

гто

Н. В. УСПЕНСКИЙ

ЕТОРКА-ПАСТУХ

Егорка-пастух: Повесть //Гослитиздат, Москва, 1957
FB2: "a53 ", 132200390893240000, version 1
UUID: {2ED4B0D0-8ADF-405B-B01D-5B20FECF86DA}
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Васильевич Успенский

Егорка-пастух

Содержание

I ВСТРЕЧА В ЛЕСУ0007
II ОТЕЦ И СЫН0015
III ПОПЫТКА0021
IV СВАТЫ0029
V СБОРЫ К МИРОВОМУ0043
VI У МИРОВОГО0058
VII МИРОВИХА0070
VIII ВОЛОСТНОЙ СУД0085
IX ДВА СВАТА0106
X СВИДАНИЕ С ЗАКЛЮЧЕННЫМ0112

Николай Успенский
ЕГОРКА-ПАСТУХ
Повесть

Н. В. УСПЕНСКИЙ

ЕГОРКА-ПАСТУХ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва - 1957

1 **ВСТРЕЧА В ЛЕСУ**

Был осенний вечер. Невдалеке от села Лебедкина, на опушке леса, сидел красивый парень, лет двадцати, двух, в худом стареньком армяке, в низенькой шляпе, украшенной лентами. Он вил кнут, напевая песню и поглядывая на табун барских лошадей, пасшихся в глубине леса; подле него лежал мешочек с хлебом, горсть пеньки с прядями

конских волос и новый, недоконченный лапоть.

Солнце уже закатилось. Изредка моросил дождь; на верхушки дерев с резким щебетом взлетали дрозды; на пасеке за оврагом, тянувшимся посреди леса, громко лаяла собака. Парень окончил свою работу, снял кафтан и, положив кнут на плечо, начал обходить табун. Вдруг из-за оврага показалась крестьянская девушка в красном платке, в набойчатом холстинном сарафане, босиком. Зорко оглянувшись кругом, парень подошел к девушке.

— Ты кого ищешь? — спросил он.

— Я так... за грибами...

— Теперь темно... не найдешь грибов...

— Ну, я так похожу...

— Ты чья? из какого дома?

— Из Губарева... Воробьевская...

— А! Это что на молотилке подает, — говорил парень, идя рядом с девушкой, — что ж, он твой отец?

— Отец.

— Я и тебя словно видал... Что ж, вы хлеб-то весь свозили?

— Не знаю... там возят...

— Ты небойсь уморилась, ходивши... пойдем — посидим...

— И-и! Что ты!

— Да что ж? Ничего!

— Тебе пора лошадей гнать.

— Ничего! если бы подле села, — там управитель али сам барин увидал бы; а тут один солдат на пасеке...

Лошади, почуяв время домой, подняли головы и начали ржать. Пастух громко хлопнул кнутом, и табун, фыркая, начал опять щипать траву.

— Садись вот сюда — на кафтан. — Парень и девушка сели. — А я вот тут один стерегу... дали было малого, да он только верхом разъезжает на лошадях, совсем мне не нужен...

— Тебе бы вдвоем веселей: бывает, какая забежит в хлеб, тебе не справиться...

— Экая ты! одному лучше... ты не знаешь... Вот мы с тобой теперь вдвоем... А кабы малый-то был, нам бы не пришлось посидеть...

— Да что ж я сижу-то? — улыбаясь, проговорила девушка, — разве от этого какая...

— Да нет... все-таки... А что б ты ко мне почаще ходила? — вдруг спросил парень.

— Зачем же я буду ходить?

— Да так... может, спознались бы — а может, я и женился бы на тебе...

— Нет! Тебе жениться не придется на мне... я уж пропита!

— Когда пропита? Кому пропита?

— Еще прошлый Микитий — Краюхиным...

— Знаю Краюхиных... уж не за Ваньку ли?

— За него...

— Вот оказия-то!..

— Да я бы вовсе не хотела... Знамо дело, все батюшка с матушкой... Они там — приставили свечку к образу, помолились, выпили штоф... а наше дело девичье, вестимо: только смотри на них...

— Ты бы сказала, что не пойду! Ведь жених твоего ногтя не стоит...

— Эхма! Отец с матерью боем убьют! скажут, исхарчились: тоже десятую пили за меня под телегой, на ярмарке. Сват-то скажет, все вывороти... заплати, а нам где ж взять? Мы уж весь двор сожгли... Лебеда была, соломки-то нет, топить нечем... К воротам маленько двор похож на двор, а сзади нет ничего...

— Слышь! тебя как зовут?

— Прасковья. А тебя как?

— Был Егор. Вот что! выходи за меня замуж! Я навек буду у барина служить. Нам с тобой ни дома не надо, ничего не надо!.. Будем лошадей стеречь... А на жалованье я тебе куплю панёву, и платок, и полушубок... мы зимой будем жить в господской избе... нанимают же кухарку, ты будешь варить щи нам... А летом мы с тобой вот тут... ты будешь невод вязать, а я лапти плести... Ты знаешь, я сам из бедного дома... ты думаешь, как бы богаты были, разве пошел бы лошадей стеречь?..

— Ведь пропита-то я!.. батюшка с матушкой ну-ко будут бить... они у Краюхиных взяли две четверти ржи... отдать нечем, а как меня отдадут, сват-то, может, простит...

— За рожь я заплачу! — подхватил парень, — я по три цалковых получаю, значит, два месяца только послужить... Это ничего!.. — Парень помолчал. — Ну что же, будешь отказываться от Краюхиных?..

— С чево ж... — задумчиво произнесла девушка, — у тебя отец с матерью есть?

— Матери нету... один отец... он камни в

горе копает... один живет... мазанка у нас
небольшая есть... почесть вся завалилась.

— А ну-ко я останусь в девках?

— Экая ты! разве я с тобой смеюсь?.. ты
скажи прямо, пойдешь за меня аль нет?.. люб
я тебе аль нет?

— Неужли ж?.. не с Ванькой сменить...

— Тебе за ним пропадать надо!.. где ж тебе
сжиться с ним?.. он словно блажной... а ты
как маков цвет...

— За него и Ганька не пошла Андрюши-
на... Еремины тоже отказались... девки ни к

себе уперлись...

— Что ж? упрись и ты...

— Беднота-то одолела! Ты не поверишь, мы всю зиму лебеду ели... и той не было: покупали да за заработки брали у барина... — Девушка вздохнула. — Вишь, у тебя дома-то нет... наши не отдадут!.. Чем же ты будешь играть свадьбу-то?.. ведь надо попу три целковых заплатить... а там вина купить...

— Экая!.. Поп наш добрый!.. вон его две лошади ходят в табуне. Я У него взял полтора цалковых, я ему отдам назад...

— Что ж только-то?

— Да что нам расход? Нам вся сила перевенчаться... а это пить-то... пускай кто хочет, тот и пьет...

В это время лошади захрапели и столпились в кучу: на опушке леса показались два волка. Парень схватил кафтан и направился к табуну.

— Постой, постой! — закричала девушка, — я с тобой...

— Не робей!.. они вон пошли... кабы тут овцы, а с лошастью где же ему справиться? Они всегда в эту пору выходят... мне уже не

впервой...

— Ах, грехи тяжкие! — вымолвила девушка.

— Я верхом не сяду... иди подле меня. Я до гумна тебя провожу, а там ты пойдешь себе...

Парень замотал веревку на шею лошади, которая была привязана к дереву, и повел ее в поводу. Табун устремился по направлению к селу через овраг.

— Ну, так слышь, — говорил пастух при прощании, — я ноне же пойду к своему отцу... ты будь на своем слове верна... а уж я свое дело сделаю...

Парень сел на лошадь, гикнул и скрылся за барским гумном.

II ОТЕЦ И СЫН

Поздно вечером пастух стучался в окно мазанки, стоявшей на краю деревни Чернолесок, которая разделялась от села Лебедкина небольшой речкой. Ночь была светлая; единственное окно мазанки ярко блестело против месяца.

— Отвори, батя!

В избе закричал старик.

— Ты что?

— Да так пришел... рубаху сменить.

— Зажечь-то нечего, — отпирая дверь, говорил старик.

— На что? авось месяц...

— Ты поужинал?

— Неужели ж не евши приду... ты сам-то небось дня три не ел...

— И то, парень, — сказал старик, садясь около печки и почесываясь, — намесь цалковый-то ты принес, два пуда купил, увсе вышло... Кажись, один живу...

— Один! — подхватил сын, закуривая труб-

ку в переднем углу, — ведь у тебя хлёбова нет, и кашки-то не бывало... ешь один хлеб, — вот оно и скоро выходит...

— И чудно, братец ты мой, — проговорил старик, — как это скоро выходит! Кабы скотина была, живот бы не болел; а то нет ни поросенка, нет ни ягненка...

— Ты что ноне работал? — спросил сын.

— Работа одна: всё камни копаю; ноне чуть глиной не придавило... Анадьсь вот случай-то, я тебе расскажу: пришел я к яме, а в ней сидят два волчонка... хотел я их пыймать, в город отнесть, да подумал: волчица житья не даст... она запах чует... так и не трогал: гитай их голова!.. Вот солюшки нет, горе мне... беда, да и только...

— Тут не про соль дело! я к тебе пришел маленько погутарить...

— Об чем? говори! аль тебе плохо жить?..

— Оно жить-то мне покуля ничего! Да вот ребят-то всё женят... а ты меня не женишь...

— Эх, Егорушка, — воскликнул старик, — кабы ты знал, как моя душенька болит об тебе... ты думаешь, я сам не смекаю... я у горе-то копаю, копаю, а все об тебе думаю... Люди за-

пивают... Вон намесь Терехины усплений пи-
ли... а я пошел на ярмарку лычек купить, иду
мимо-то — они гуляют... Я и вздумал об тебе...
Вот кабы мочь была, я б не хуже людей разгу-
лялся...

— Не тужи, батя... ты смотри.

— Что нам с тобой смотреть? Нам кабы гос-
подь послал по смерть хлеб-соль, — и слава
богу...

— Эко, батя... хлеб-соль — хлебом-солью, а
дело само собою. Вот нас с тобой двое; ты ме-
ня не бил никогда, жили мы с тобой ладно...
Надо правду сказать: полюбилась мне девка...

— Где же это?

— Воробьевская... знаешь, у Губаревых...

— Как не знать! Эх, братец ты мой: голь на
голь — что ж выйдет?

— Оно голь-то голь, батя! а ведь мы с тобой
с голоду не помираем... авось господь! И ты
живешь, и я живу... Вон ноне всю зиму лебеду
ели, а живы остались... Будем оба с женою ра-
ботать, — наймемся куда... а ты посмотри у
работниках: каши невпроворот... еда хоро-
шая... а что ж нам еще надо? Мне девку жал-
ко... Ее пропили, за Ваньку косорылова... а

девка-то какая!

— Так-то так, Егорушка, Краюхины люди богатые, а нам-то с чем свадьбу сыграть? ведь у нас куда ни кинь — везде клин, нет ничего!.. вон путо нашел, другой год им подпоясываюсь... а кафтанишко — в добрые люди и показаться нельзя... да уж и стар стал... хорошо, как глиной пришибет? а ну-ко нет?.. я и сяду на твои руки?.. а ты беден, хозяйка еще бедней...

— Эх, батя! дай пожить мне-то! все у нас будет: я буду служить старательно, попрошу управителя, он прибавит жалованья, и тебя куда-нибудь возьмет — лес, что ль, караулить... авось как-нибудь проживем... жена будет помогать...

— Оно вестимо так, — ободрясь, продолжал старик, — что ж? лес караулить — это бы ничто!.. А ведь я ломом-то долблю, долблю — рук не подынешь; придешь домой, ляжешь на печку, поясница так и ломит... Как же это нам быть-то?

— Да ты уж не хлопочи; я оборудую дело... только слухайся меня: ступай ты завтра к Губаревым свататься, наперва приходи ко мне в

лес, я ранехочко у приказчика выпрошу пару цалковых... Ты купи вина и ступай, запивай за меня... потому, я тебе сказываю, девке идти не хочется за косорылова... мы с ней устрелись в лесу... она за грибами ходила... Девка, одно слово, смиренная... супротив этой девки весь свет выходи — не найдешь... Что ж я буду так жить? Ты помрешь, кто меня женит? И запить некому будет...

— Оно ничего... Что ж, когда такое дело?... вот маленько у меня не докопано до сажени... десятский приезжал, кричал, кричал...

— Авось докопаешь! Ступай, да и раз! там уж запой был... отдадут за Ваньку — девка пропала... а она мне говорила, что со всем согласьем... дело насчет, значит, родителей...

— Вот что, малый: куда ж мы ее приведем-то?

— Толкуй там, куда приведем... а у них-то что? одни ворота... двора-то нету... весь сожгли...

— Стало быть, вы промеж себя будете жить?

— А то что же! Я не во двор ее веду, а будем жить по людям, и ладно...

— Это так... — доставая тавлинку, заметил старик, — ну, что ж... пожалуй...

— Вот что, батя: однава дыхнуть, жени меня на Параше... дюже будет хорошо!.. Ну, я пойду... завтра поране вставай...

— Эх, Егорушка, — говорил старик, провожая сына, — я б тебя на ком хошь женил, мочи-то не хватает...

III

ПОПЫТКА

Рано утром Ефим, так звали отца пастуха, зашел к сыну в лес, взял деньги и отправился в деревню Воробьевку, до которой считалось от Лебедкина не более двух верст. На пути в кабаке, стоявшем на большой дороге, он купил водки, белого хлеба и середку ветчины.

Ефим вошел в дом невесты, сложив провизию в сенцах.

— Что, хозяин дома? — спросил он, помолвившись образам.

— Тебе что надо? — спросила хозяйка.

— Да я так пришел: мне повидаться надо.

— Тебе насчет чего же надо-то?

— Да так! поговорить насчет одного дела.

— Ты откудава?

— Чернолесский.

Вскоре вошел хозяин.

— Доброго здоровья! — сказал он, — тебе что надо?

— Тут... насчет своего дела...

— Об чем же?

— Да насчет, примеру, девки...

— Какой девки?

— Силич, твоей.

— Моя пропита!

— Мало что есть! вот мы поглядим, как дело пойдет... Ефим отправился в сени, принес оттуда провизию и, становя ее на стол, проговорил:

— Тут вот что!..

— Да это мы видали виду-то, — возразил хозяин, с пренебрежением глядя на закуску, — у нас не такие бывали: и яблок принесут и арбузов... что твоей душе угодно... Только нам теперь не до этого... я уж готовлюсь к свадьбе: вон и ржицы на солод приготовил; бражку затеваем...

— Эх, брат! — воскликнул Ефим, развязывая провизию, — люб-нелюб — повидался...

— Да что, брат ты мой, повидался... у нас уж два года дружелюбие идё с Краюхиными...

— Опоздал, батюшка, опоздал! — заговорила хозяйка, становя чугуна в печку, — мы уж никак больше году с Краюхиными знаем... и дары уж отдали.

— Мало что отдали! — сказал Ефим, — хлеб-соль во сне хорошо, а наяву еще лучше...

— Ну, так что же, брат ты мой? — сказал хозяин, садясь за стол, — в чем же у нас будет дело? ты чей, откулева?

— Да я — чернолесский... Ефим... А у меня малый есть, Егорка, знаешь, в Лебедкине у ба-рина лошадей стережет...

— Знаю, знаю... Так что ж, значит, куда же это вы мою Параньку хотите взять? ведь я дом-то ваш знаю: мой хорош, а ваш еще ловчей!..

— Э! братец ты мой любезный! — держа в руках штоф, заговорил Ефим, — и через золото слезы льются, я слышал... Я ведь не в дом беру, а просто за Егорку: человек дорог!.. Парень тебе известный: вокруг вас другой год живет...

— Живет-то живет... ну-ко, садись за стол: там видно будет... что с тобой делать. — Подноси... ну, пей сам.

— Дурья голова! — завопила хозяйка на мужа, — что у тебя горло-то, как бёрда![1] что хошь пройдет... И рад, родимец те растяни, что вина принесли... а забыл, что девка давно

пропита...

— Э! гость на гость, хозяину радость... во всем воля божия!.. вот Еремины опили, может быть, десятерых... а нам по бедности только другой пришелся...

— Я не к чему что, — держа перед хозяином стакан, говорил Ефим, — не знаю, как имя отчество...

— Был Кузьма, — сказал хозяин и обратился к жене, — ты бы посмотрела на улице да хлудом[2] дверь-то заперла... неравно сваты придут... Краюхин ноне Паранке говорил... То-то, стало быть, баба дура!

Хозяйка заперла дверь и возвратилась в избу.

— Садись, сват! — продолжал хозяин, обращаясь к Ефиму, — мы попросту... мы народ бедный... Аксинья! порежь ветчинки-то...

— Я сам, малый, бедный, не рассказывать тебе, — объяснил Ефим, присаживаясь на коник[3], — у вашего же барина камни копаю... Только вот что я тебе скажу... Нет! давай выпьем по другой... Просим покорно!

— Отрежь ребрышко, — сказал хозяин жене.

— Вся для вас! — указывая на ветчину, объявил Ефим, — дело, видишь, какое: лежу я на печке, Егорка приходит мой и пересказал мне, что твоя девка больно полюбилась ему...

В это время вошла Параша с коромыслом, увешанным рубахами.

— Здорово живете! — сказала она гостю, проходя к печке.

— Здравствуй, касатка! — проговорил

Ефим, глядя на девушку, — стало быть, твоя дочка? — спросил он хозяина.

— Моя...

— Ну, я и говорю, — продолжал Ефим, — куда ж нам, говорю?.. не сыграть нам свадьбы... а он вон как: «У меня управляющий нипочем! Взял пару цалковых, ступай, говорит, запивай! Вот тебе вино, вот тебе и середка»... Удалой парень зародился...

— Знамо! что говорить? — сказал хозяин, — по душе на что лучше! Только как же, сват? где же мы свадьбу-то играть будем?

— Матушка! — шептала за перегородкой девушка своей матери, — это пастухов отец?

— Он...

— Я видала парня-то... он малый хороший... я за него с радостью пойду!

— Погоди ты, девка, дай послушать, что говорят.

— Да, вишь, он хитрый какой, — продолжал Ефим, — беру, говорит, не в дом, а себе...

— Значит, по людям? — спросил хозяин, — а мы-то где ж при старости будем?

Ефим замялся, взял в руки штоф и проговорил:

— Ведь это и так сказать, это дело его! лишь было б согласие!.. ведь не нам с тобой жить... Ну-ко, сватенек, давай еще по одной...

В это время на улице раздался стук в дверь... «Отпирай, сват!» — кричали несколько голосов...

— Я тебе говорил! — воскликнул хозяин, сердито смотря на жену, — это что? Беги, посмотри!

— Ах, провал тебя возьми; они, и то они!.. — объявила хозяйка, входя из сеней в избу...

— Ну, слухай, сват, — сказал хозяин Ефиму, — ты сядь поди к печке... кабысь насчет колес пришел... Аксинья! прибирай! поставь посуду-то на полку... возьми середку... поправь скатерть...

— Это кто же? — боязливо спросил Ефим, отправляясь к печке...

— Экой ты, братец ты мой! Сваты...

— Что ты врешь?

— А ты как думаешь об Параньке? За ней беда что народу!

— Батюшка! — объявила девушка, подходя к столу, — ты меня лучше не отдавай за Вань-

ку... вот тебе Христос, не пойду за него! За Егора — пойду!..

— Ну, ну! знать, не учена давно?

— Ты забыла, — подхватила мать, — что у отца с матерью на гумне-то?.. кладушка одна...

Параша ушла за перегородку и села на кровать.

Между тем Ефим, сидя у печки, рассуждал сам с собою:

«Вот оно, значит, молодо-зелено... Послушал Егорку — и наткнулся... Ну, да что ж?.. я ни в чем не повинен... плохого ничего не сделал...»

IV СВАТЫ

Толпа мужиков и несколько баб, держа в руках жбаны с вином, ковриги хлеба, пироги, завернутую в скатерть баранину, стояли на крыльце. Хозяин без шапки встретил гостей, умильно говоря:

— Добро пожаловать, добро пожаловать...

— Мы маленько припоздали, сват, — заговорил сам Краюхин, одетый в дубленый полушубок, — за вином долго проехали: в город посылали... я хотел тебе удружить.

— Ну, благодарим на этом, — сказал хозяин.

Мужики вошли в избу, помолившись богу, снова поздоровались и начали раскладывать свои припасы на столе.

— Это чей же у вас такой? — спросил Краюхин, кивая на Ефима.

— Да чернолесский... пришел было передки поторговать... Человек тоже бедный...

— Что ж? — заметил Краюхин, — не займай... Ну, что ж, сватики, — обратился Краю-

хин к хозяевам, — стало быть, с богом! пора помолиться в последний раз...

— Что ж? — плаксиво сказал хозяин, — давай бог час! Аксинья! вздуй огоньку, зажги свечку...

— Слава богу! — продолжал Краюхин, — попили винца вдоволь... дело сладили...

Хозяйка приставила к образу свечку, и все начали молиться в землю, приговаривая: «Христос господь, божия матушка!.. Сам Ми-

колай угодник и все родители...»

— Просим покорно! сват! что ж не садишься? мы пришли тебя угощать... И ты, сватьяшка... двигайся, двигайся дальше...

— Мне, было, некогда, — проговорила хозяйка, — ну, я сяду поближе: придется подать...

— Чего тут подать? у нас все тут есть. Дядя Евлампий! развязывай! Крой пироги-то...

Краюхин, стоя перед столом, расчистил свои усы, потер пальцами по животу, встряхнул волосами и взял в руки штоф.

— Просим покорно!..

— Пей, сват, сам, — сказал хозяин, — что в руках, то в устах...

— Ну, стало быть, будьте здоровы...

Остаток капель Краюхин брызнул в потолок, постучал опрокинутым стаканом себе по голове и объявил: «Вот так, чтоб наши молодые попрыгивали...»

— Пошли господи!

— Его святая воля!

— Помоги бог, что задумали, загадали...

— Авось невеста идет не куда-нибудь, а в богатый дом...

— Мы ее не обидим! — сказал Краюхин, — у нас и так баб мало... работой неволить не будем... была б только почетница...

— Своим добром хвалиться грех, — заметил хозяин, доставая кусок баранины, — а мы за ней плохого не замечали...

— Дай бог, заживем знатно...

— И жених — малый смирный...

— Я тебе, сват, по истинной правде скажу, — объявил Краюхин, — вот ему восемнадцать лет, и от него вот чего не видал... просто красная девка...

— Маленько лицом не вышел, — заметила хозяйка, — ну да стерпится — слюбится... Народ болтает, что он какой-то блажной...

— Это, я тебе скажу, природа такая! — воскликнула мать жениха, — на ём, должно, была младенческая...

— Да и насчет работы ничего... — подхватил Краюхин, — вот за водой все он ездит... это уж работа за ним... Ну, маленько недосмыслит чего, знамо, парень молодой... мы сами молоды были... Вон нонче умные-то понадели красные рубахи, пояса с мохрами, лосные картузы — словно господа. А нашему бра-

ту за господами не угоняться...

— Да что говорить! — возразил один старик, — эти умные избаловались на отделку: пустились в воровство да в пьянство... Иной сошник али курицу стащит с перемета — все в кабак... Прежде их секли в конторе, а теперь сечь-то некому... Надьсь мне кум Игнат рассказывал: чей-то лебедкинский малый пропил в кабаке кошку — заместо петуха...

— Что ты врешь? — раздались голоса.

— Истинная правда: к примеру, посадил ее в мешок и пустил под печку — к цаловальнику. Вот они умные-то!..

— Ах, домовой те расшиби! — удивлялись мужики, покатываясь со смеху...

— Сват! пора по другой! — сказал Краюхин, — видно, не затем принесена, чтобы ей стоять...

— С чего ж? давай...

Между тем хозяйка достала из-за пазухи красный платок и, подавая его Краюхину, сказала: «Вот, сваток, женишку...»

— Благодарим покорно! — сказал Краюхин и спрятал подарок в карман.

— А что, дядя Иван, — беседовали мужи-

ки, — извоз маленько подался...

— Знамо дело, народ таперь отработался, ездока стало много. Я вот другой год смотрю и колес не стал шиновать. У господ земли много, намесь мы вдвоем у енарала цалковых двадцать сгладили у три дни... А то поедешь в извоз, где колесо, где лошадь оставишь, с одним кнутиком и придешь...

— Ноне, что говорить! народ поправится... господь хлебушка зародил...

— Эхма! — сказал хозяин, — у людей вон — скирды, у меня одна кладушка в семь копен... вот и жизни целый год... у свата две четверти занял, а чем отдать?

— Слухай, сват! — заговорил Краюхин, — когда такое дело, вот тебе при свидетелях говорю: рожь твоя! я не гонюсь! у нас покелева слава богу! молодка зарабатывает...

— Ну, благодарим...

— Мы друг об друге, а бог обо всех!.. да что ж мы пируем? — воскликнул Краюхин, — а где ж девка-то?

Все примолкли, ожидая появления невесты.

— Ну, что, сват! — проговорил хозяин, —

не трогай!.. не ее дело...

Из-за перегородки вышла Параша.

— Как же не мое дело? — заговорила она, став среди избы и сдвинув брови на отца, — с Ванькой-то мне жить, а не вам... он распустил губы-то, вы, что ль, их будете целовать?..

— Стой, что ты, что ты! — вставая из-за стола, заговорила мать.

— Паранька! — закричал отец, — с чего это ты вздумала? в кои века... ах, господи Христос...

— Как вы хотите, — продолжала девушка, — а я не пойду... Хоть опейтесь до смерти! а мне не быть за Ванькой...

— Вот таэ и раз! — возопила хозяйка, — какой же родимец те научил?..

— Супротив родителей итить, — подхватил хозяин, — мы пили, пили... стало быть, года два харчились... а ты все дело хочешь попортить...

— Вы пили, меня не спрашивались!.. — решительно сказала девушка, — жить-то мне... Я сказала, за Ваньку не пойду — так не пойду...

— Да что ж это такое? — воскликнула

мать, — лихоманка тебя убей...

— Слушай, красавица! — обратился к девушке Краюхин, — теперь, к примеру, это дело мне стоит двадцать пять цалковых... да две четверти ржи, ты слышала? это я должен выворотить все! так вот что: у твоего отца всего имения не хватит — и с тобой со всем...

— Мне имения не надо! — объявила Параша, — с голоду не помру!.. Я вам сказываю: не быть этому делу!.. Я готова душеньку отдать

за того, кто мне люб-то... пускай я с голоду помру, буду Таскаться по чужим углам... а то вы что же делаете? только опиваете? а мне невесть за кого идти...

— Постой! Кого ж тебе надо? — спросил отец.

— Вон, — указывая на Ефима, сказала девушка, — запивали за Егора, за него иду!.. а то силком хочут отдать...

— Дура несуразная! там нет ни кола ни двора, куда ты пойдешь-то?

— Это не наше дело!

— Как? — воскликнул Краюхин, глядя на хозяина, — ты, сватенек, что же? за другого запивал? Ты что, почтенный, — обратился Краюхин к Ефиму, — с запоем пришел сюда?

— С запоем, — отвечал Ефим, — моих два цалковых тут запито...

— Что ты, что ты, милый человек, — сказала Ефиму хозяйка, — у нас больше году длится дело... к чему ж тебе? Грех тебе, право слово...

— Вот тебе два цалковых, — доставая деньги, закричал Краюхин, — девка моя!

— Ан не твоя! — перебила Параша.

— Погоди, красавица! у тебя отец, мать есть.

— Отец с матерью в этом деле мне не указ...

— Угодники святые! Что ж это такое делается?

— Оказия, милый! — говорил народ.

— Что ж? наше дело сторона...

— Иди, Паранька! я тебе сказываю, иди! — кричал хозяин.

— Не пойду! что хотите со мной делайте... сказала — не пойду!

— Что ж это, православные, будет? — кричал Краюхин, — будьте свидетели: я завтра в суд...

— За что ж в суд? Сам видишь, мы уговариваем ее...

— Угломонитесь, братцы! мало что девка сказала...

— Завтра же еду в суд! Ноне расчет с вами короток...

— Ну, в суд так в суд! ты проси на девку, а не на меня! Что ты с девкой сотворишь?

— Пойдем, малый, тут, я вижу, дело не приходится...

Вдруг отворилась дверь, и в избу вошел пастух.

— Здравствуйте, добрые люди, — сказал он, — что это у вас такое производится? Батя! — обратился он к отцу, — ты что ж? дело делать, так делал бы... а не делать, так и ходить незачем сюда...

— Ты чей такой — в чужое дело встряхивать? — возразил Краюхин.

— Нет, не в чужое! — объявил парень, — а в свое собственное! ты девку-то запил, может, год назад; а мне она раньше твоего запою по сердцу пришла... Стало быть, и оставайся с своим вином... Вот бы ты как действовал! — обратился парень к отцу, — а ты забился в угол...

— Послухай, брат! — сказал Краюхин, — какую ты имеешь праву встряхивать? ведь я тебя притяну в суд...

— А ты какую праву имеешь насильно девку брать?

— Послухай, молодец; насчет запою девки в законе писано... испокон веку деды-прадеды наши делали так...

— Вот что, православные! — объявил па-

рень, — шумите, не шумите, весь навек заложусь, а девки не дам! вот она... спросите ее!..

— Я переж тебя говорила им, — утирая слезы, сказала девушка.

— Да что с ним толковать? Гоните его! — крикнул один.

— Слышите, ребята, — сказал парень, — лучше добром сойдемся... А то берегитесь: я не пожалею красного петуха...

— Послушайте, добрые люди, что он говорит... вить это значит разбой!

— А это не разбой, — кричал парень, — девку навек погубить? За кого это вы вздумали ее отдавать, за шалаю? Ему не жениться, ему только фуры подмазывать...

— А ты знаешь, за эти слова вашего брата в острог сажают? — объявил Краюхин.

— Сажай! За правду и в острог сяду!

— Вижу, братцы, толку никакого не будет... А надо его вязать!

— Ну-ко, парень, иди подобру-поздорову, — сказал хозяин, — откелева пришел...

— Вяжите его! он не может такие слова говорить...

— Ну-ко попробуй! Эко испугался! Сами со-

брались хуже разбойников, а меня вязать? Ишь пьяные рожи! Пойдем, батя! ты, я вижу, пить вино только любишь...

— Ребята! надо за старостой сходить!

— Я до царя дойду! — кричал парень, — он, батюшка, всех ослобонил... Это в старину господу девок отдавали за кого хотели...

— Да ты кто такой? — подступая к парню, вопил Краюхин, — один кнут на плече!

— Сказано слово — не уступлю девку! Как вы ни гоните!

Пастух с отцом вышли из избы.

— Что ж ефто такое? — говорили мужики, — авось у нас хряцоная вера: когда девка супротив родителей шла?!

— Это все ты! — кричал хозяин на жену, — это твоя дель... избаловала девку...

— Нет, ты! — подхватила хозяйка, — говорила, погоди пропивать девку; полштоф да калач принесут, а ты и рад.

— Ну, сват, помни! — грозил Краюхин, — страмоту завел, как бы самому не расхлебать... Я те навек в работники запру... православные! будьте свидетели: я сейчас еду в суд... меня же опили, меня же хотят и под-

жечь...

— Пстой, сват! Надо говорить по-божьи: разве я тебя хотел поджечь?

— Вот грехи-то, — говорил народ, выходя из избы.

V

СБОРЫ К МИРОВОМУ

Кирпичная изба Краюхина, покрытая вприческу, стояла среди деревни, дворов через пять от дома невесты: раскрашенные ставни, узорчатое крыльцо с скворечницей, пустые ульи на завалинках, несколько тележных станков — все говорило о зажиточности хозяина. В сенях стояло исполинское корыто для свиней, выдолбленное из столетнего дуба; на стропилах и переметах висели мешки с салом, окорока ветчины, дубленые овчины и пр.

Пришедши в избу с женой, Краюхин бросил шапку на нары и сел подле стола. Жених спал на полатах.

— Нет, я этого дела не оставлю! — говорил хозяин, стуча кулаком по столу, — все имение просужу, а не поддамся... Ноне же поеду к мировому...

— Посудись, попытай, — возражала хозяйка, — благо у тебя скирдов много... Гляди, как бы чего хуже не было... вон пастух-то грозит

красного петуха подпустить; ты думаешь, он своей головой подорожит! Беды — горе! У него всего имения — кнут, а у тебя, может, тысячи... Что ему острог? Он просидел свое время, и опять вот он! Ох! — заключила хозяйка, сложив руки на груди, — избави, царица небесная...

— По-твоему, стало быть, все дело бросить? — говорил Краюхин, — цалковых на двадцать огрели да срамоты наделали — тебе этого мало?

— Не проводи с этими судами поболе... — отыскивая кудельку, заметила хозяйка, — бывает, истратишься, а по-твоему ничего не делается... В суд тоже — завяжи в узел, да и ступай туда...

— Стало быть, и Ваньку не надо женить. Кто ж будет работать-то? Баб вовсе нет!..

— Женить-то женить, — отвечала жена, — как бы греха не было: ты вишь, господь свое строит: никак третью невесту запиваем, а все нет толку: малый сам того не стоит, что пропили... Кто пойдет за него? Ты вишь, совсем дурак... какая на него польстится?

В ответ на все это с полатай раздавалось

громкое, беззаботное храпенье хозяйского сына.

В задумчивости, побарабанив пальцами по столу, Краюхин подошел к полатам, дернул сына за волосы и сказал:

— Эй! тебе только спать?

— Чаво? — протирая глаза, буркнул парень.

— Слезай оттуда! — крикнул отец, — небойсь лошадям пора давать корму...

Иван, с красным длинным лицом, светло-русыми волосами, высунутым языком и белыми едва пробивающимися усами, неторопливо подошел к столу; глядя на отца мутными серыми глазами, он проговорил:

— Я давал...

— На вот платок от невесты, — сказал Краюхин.

— А! малый... Это я у кабаке на шасту видел... — с усмешкой разглядывая платок, сказал Иван. Затем он высморкался и сел на лавку.

— И господь таэ на нас навязал! — проговорила мать, качая головой, — покуля мы с тобой будем маяться?

— Бать! а что ж, колоду-то надо вытащить... — сказал Иван.

— Ах ты господи! — говорила хозяйка, глядя на сына, — и родимец его расшиби — еще спит!.. кабыдто не до него дело...

— Будет тебе ругаться-то, — возразил Краюхин жене, — сама небойсь родила его... Что ты чешешься, дурила! — обратился он к сыну, — утри слюни-то... На вас на обоих-то дрова возить. Слышь, Ванька! Ступай, запрягай бурого... Тут сколько ни сиди, ничего не будет.

— Куда это ты? — спросила хозяйка.

— Знамо куда! к мировому! — поднимаясь

и отыскивая шапку, сказал Краюхин, — сбирайся скорей! Навалился малый... одних колес что истреплешь...

Между тем на крыльце у Краюхина собралась толпа мужиков, бывших на запое. Тут был и невестин отец, которого сваты уговаривали помириться с Краюхиным и «не заводить лишнего».

— Петруха! ты куда ж? — толковали мужики...

— Что, малый! хочу домой пойти... Ты вишь, дела-то! весь хмель вышибя вон!..

— Экой ты чудной! пойдём! Что ж, пили, пили, так и бросить?

— Да что? У него небойсь вино-то из глаз льется? Шутка ли дело, колько исхарчил... Ну, кабы не Егорка, дело пошло бы как следует...

— А ты слухай, Кузьма! — обратился один к отцу невесты, — мы твоей хлебом-солью довольны... только это дело, я тебе сказываю, не приходится: девке волю давать нельзя!.. тогда и на свете не жить...

— Я уж ее оттаскал на задворке! — объявил невестин отец, — уж и каляная, пропади она! Кричит: руки наложу!

— Слухай-ко, это дело ничего... А вот Краюхин как бы не поехал к мировому! приедет становой... туды сюды... замотают на отделку!.. Пойдем — авось поуладим... Что ж хорошего? Сам знаешь! ведь Егорка — пастух-бездомовник, а тут чего изволишь... всего слава богу! может, птичьего молока нет...

Невестин отец бросил шапку оземь и объявил:

— Эх, братцы! и не знаю, куда прикинуться! сокрушила меня эта девка!

Мужики, пораженные родительским отчаянием, заговорили:

— Вот она что значит дитё-то!

— Эко, братец! ведь одна утроба-то!

— Что говорить! вступил, вскормил; а она вон что!..

— Ну, ребята, пойдем! Евлан, иди!..

Мужики вошли в избу.

— Еще здравствуйте...

— Здравствуйте...

— Слухай, Петрей! — обратился к Краюхину один из сватов, — что ж это будя? пили, стало быть, пили, а толку все нет? Мы погугорить к тебе пришли... Захватили с собой сва-

та Кузьму! Надо чем-нибудь порешить... а то ведь уся деревня сбежалась на срамоту...

— Я сказал слово! — объявил Краюхин, севши опять за стол, — мое слово верное! мы ему покажем петуха!..

— Ну, вот что: поедешь ты в суд... протори да убытки... и больше того пройдет! а лучше как-нибудь промеж себя поладим, мало что говорится... на брань слово не купится...

— Нет, я докажу! — воскликнул Краюхин, — хайть малого?.. Ваньку?.. да он мало того... он всему миру известен!.. Кто кося? кто паша? кто навоз возя? Ведь он вот — он! И, стало быть, девка не стоит? Ишь какая хрелина!.. право!..

— Сват! — сказал отец невесты умоляющим голосом, — ведь это дело девичье... как ты рассуждаешь! Знамо дело, народ молодой, неуч! Я вот сейчас лудил ее на задворке... ты ушел, небойсь ничего не знаешь... Стало быть, ты не судись, хоша она тебе нагрубила сколько-нибудь, уж это дело я покрою... А то нам обоим будет нехорошо!.. Когда я согласился с тобой, дал правую руку, я своему слову не изменю!

— Когда ты дал слово, — подхватил Краюхин, — я всю свою родню созвал к законному делу... честь честью... и никого я не огорчил!.. А, наконец, главное дело невеста выходит и говорит, что то, что не хочу идти!.. и я тепереча остаюсь ни при чем!.. где ж ты был прежде?..

— Экой ты! я со всем усердием отдаваю тебе, — сказал Кузьма, — а ведь это она своей головой выдумала, — что не отец во власти, а дочь во власти стала... По-моему, отец с матерью чем благословит, нужно жить! И господь так велит... а ежели она нашла себе особенно-го, так я не знал об этой части...

— Слушайте, ребята, — возразил высокого роста мужик с седой бородой, — одно слово, вышла у всех горячка — к примеру, чего спокон веку не бывало... Ты, Петрей, охлынь!.. а ты, Кузьма, не дюже думай об своей девке... вот такая вещь — обойдется!.. Я десятую на варке купил кобылу, помнишь?.. Насилу поймали. Заарканили, я тебе скажу, — того и гляди душенька вон из ней!.. А деньги все отдал! Вот таэ перед богом! (Мужик перекрестился.) Что ж ты думаешь? Кобыла-то какая вышла!..

Сам знаешь, что ж тебе толковать? Колько разов в Москву ездила... А ты об девке толкуешь!.. смотри, обомнется, — какая баба-то будет!..

— Это что говорить! — подхватил один из родственников Краюхина, — ты знай завсягда: коли девка супротивная, — значит, будет добро!.. А то что ступу-то возьмешь? Она ни в куль, ни в воду!.. у ней ступень по рублю...

— Это уж так! — заметил отец невесты, — насчет девки не сумлявайся! Ухожу!.. А уж насчет пастуха — дело не мое! Я его и знать не знаю...

— Ведь вот ты какой алырник[4], — сказал Краюхин, — теперь пьешь, стало быть, и с меня и с Пастухова отца...

— Послухай, Петрей Анисимыч; мы с тобой спознались еще с энтой десятой, ужли ж я тебя променяю на какого-нибудь межедворника? ты сам знаешь, ведь я его не звал к сабе в дом... Неужели ж я какой? Был я на задворке да потом в избу, гляжу, он тут и есть с кошелкой... со всеми припасами... Ну, знамо дело, от двора отгонять не приходится... Завели мы с ним балы... а тут и вы пришли.

Хозяйка подошла к мужу:

— Петрей! — начала она, — будет тебе каляниться! вишь, сваты пришли... подобру-поздорову... к какому-то там мировому! Ведь все тут в собрании: пореши дело, и с богом! как с сватом вы перва запили, так и нужно сходиться... Ты знаешь пословицу: кто первый брак разлучает, тот царствия небесного не получает!..

— Вот что дело, так дело! — заговорили мужики, — а то ноне тоже и в суде за рубль отдать пять... Да не бойсь не прикажут девку срамить сколько-нибудь... А вот что: ты, Кузьма, ступай, зови свою хозяйку и девку захвати, да тут сообча при всем честном народе и порешим дело...

— Ты ее постегал, она небось опамятовалась... поумнела... Говорит пословица: не бить, добра не видать!..

— Что вы! — закричала хозяйка, — разве девку к жениху в дом водят?.. это отродясь не бывало...

— Ничего, Сергевна! толковать еще! Уж коли на срамоту пошли — так и быть!

— Я ее сюда не поведу, — сказал Кузьма, —

а отпытаю от ней речи... что она скажет?..

Кузьма вышел.

— Ничего! обойдется, — успокоивали мужики Краюхина, — следовательно, чем она требует? идет в богатый дом!.. об чем ей горевать? А ты, сватенек, покель станови на стол шток! мы засядем... поготорим...

— Поготорим-то поготорим, — в раздумье проговорил Краюхин, — оно, к примеру, хоть и повенчаешь... дальше-то что будет? как бы опосля чего не было?

— Да что ж опосля? жить будет у твоём доме, работать будет... Неужли ж ты пастуха к

себе на двор пустишь! А коли такое дело: взял да в суд его!.. волков бояться, в лес не ходить! что такое пастух? что такая за птица? что он, на колесницах, что ль, ездит? Важное дело! Разве он смеет такие слова говорить? ведь это уголовщина!.. всем нам будет беда, не одному тебе, как он подпустит кочета-то!..

Вошел отец невесты и объявил:

— Что, братцы, дело плохо!

— Как так?

— Запировала, бяда! говорит: хоть óсел[5] цепляйте на шею, не пойду!..

— Ты бы ее сукротил...

— Куда тебе! Завертелась в поле, из виду вон!

— Куда ж это она?

— Вихор ее знает! ребята сказывали, побежала по гуменникам прямо к лесу...

— Мотри, малый, это она к Егорке...

— Знамо дело... к кому ж больше?

— Нет, уж их, видно, братец ты мой, не разведешь!

Краюхин выпрямился во весь рост и закричал:

— Это что ж такое будет? что я вам, на по-

смеховство, что ль, достался? Ванька! Запрягай лошадь! кажись, мой дом не из последних в деревне!

— Слухай, сват... чаго там?.. авось не важная штука...

— Нет! я вижу, вам только горло заливать? А вы готовьтесь-ка в суд... Ванька! подмазывать телегу...

Мужики стали выходить из избы. Краюхин кричал им вслед:

— Я докажу! у меня вся деревня узнает, что значит Краюхин... живой в руки не дамся!.. Я пять мировых куплю!..

Вышедши на улицу, мужики толковали:

— Ну, малый! пойдет теперь судьбище! и нас всех потянут... Пропали мы с этой девкой...

— Что ж? мы так и покажем! пришли, попили... а насчет девки дело не наше... Кто их знает, как они там сходились?..

Краюхин надел армяк, велел жене поймать курицу — «подарить писаря мирового», и отправился с сыном на задворок. Приготовив пехтерь[6] с сеном и подмазав телегу, он велел сыну искать вожжи, а сам начал заво-

дить в оглобли лошадь. В это время мимо за- дворка проехал верхом лебедкинский староста в дубленом полушубке. Увидав Краюхина, он повернул назад и остановился напротив ворот.

— Далеко, Петр Анисимыч, отправляешься? — спросил староста, сняв шапку.

— Да хотел было к мировому...

— Какая тебе неволя пришла?..

— Да тут занялся я с человеком!.. сосватал невесту!.. Я так полагал, дескать человек бедный, я ему могу пособить во всяком деле, а он наделал кляузы... Давай, говорят, вожжи-то! — обратился Краюхин к сыну. Иван вместо вожжей вынес тяжести[7]. Краюхин сурово посмотрел на сына и проговорил: — Ах, дурак те скудахтал...

— Какие ж кляузы? — спросил староста.

— Да вот какие кляузы: прежде говорил, что девку отдаю, что очень любопытно, а после того девка запировала, — да откуда ни возьмись наскочил пастух... На запое такие грозы наделал!.. как есть всех повязал!.. Кричит, всех сожгу... Он ваш, лебедкинский...

— Что ты врешь? это Егорка, должно быть?

— Он самый!.. кабы я знал-ведал — блаже бы я не связывался с таким человеком...

— Погоди ж, — сказал староста, — я управителю скажу. Экой! ты плох!

— Как плох? Я тут же заявил миру...

— Ты должен старшину просить...

— Нет, я хочу прямо к мировому! Что старшина? такой же плут... он судить не судит, а рюмки собирает... Там просудишь жеребца, а делов никаких не будет...

— Что ж на ночь глядя едете?

— Придется, в дороге ночуем... это такое дело, что делать с разбойником... — Краюхин сел в телегу, перекрестился и сказал: — Ну, прощай!

— Счастливо! дай бог тебе...

VI У МИРОВОГО

На другой день утром Краюхин сидел в передней мировой судьи, где было человек до десяти просителей. В ожидании разбирательства вполголоса шел разговор;

— Ты насчет чего? — спрашивал один кучер другого.

— Да оно дело-то пустяковое, а все в нынешнее время не приходится... Ехали мы с управителем из города, поздно вечером; подъезжаем к имению-то, а тут пни... Вихор ее знает, пристяжная начала беситься... Не успел я образумиться, вся тройка понесла... Мы и пошли прыгать по пням-то... А управитель у нас балухманный: давай меня оплеухами кормить... А ноне за оплеуху-то двадцать пять цалковых!

— Стало быть, тебе придется денег вволю...

— А вот увидим...

— А со мной какая оказия, — говорил мещанин огороднику, — заехал я к одной барыне, старинного завета, насчет птицы. А у ба-

рыни есть дочка. Я спрашиваю барыню: отчего вы в доме не заведете мужчину?.. дочка ваша, например, на возрасте, следовательно сейчас и надоть их пристроить за человека хозяйственного, благочестивого, — а не токмо что за вертопраха... Дворяне ноне не женятся, потому жалуются на недостатки... Так вам на что лучше в соблюдении расчета пристроить дочку за человека из нашего брата, примерно хоть по куриной части... А за дочкой-то десятин полтораста приданого. Приехал я домой, думаю, дай письмо напишу этой самой барыне, и, нимало не медля, что в положении долженствовать нужно, пишу, стало быть: «Милостивая государыня! Найпаче обáполо благородства обращаюсь к вам на слабодѣ касательно своей участи... и теперь, стало быть, в расчете на вас курятник... какова ни мера прикажите заехать сделать предложение, — и мы заедем к вам будто бы насчет птицы...» Она возьми это письмо да к мировому!.. Я ей по душе говорил... потому дом у ней почѣсть развалился, прислуга вся сбежала, я рассчитываю себе: тогда можно все перестроить...

— Я отродясь, милый человек, не бывал у

мировых, — обратился Краюхин к одному ку-
черу, — как это тут делается?

— А вот выйдет мировой, увидишь...

— Так-то так, да с чего начать-то?

— Известно, подай жалобу. Ее запишут в
книгу и будут разбирать...

— У меня дело насчет свадьбы... тут это вы-
шла у нас дрязга с сватами...

— А у меня вот жена забаловала, — гово-
рил один лакей управляющему, — женился я
недавно... девчонка попала смазливая... ба-
рин, значит, и облюбовал ее... Думаю себе, уй-
тить?.. жалованье хорошее, а местов мало...
Взялся ее бить!.. Она кричит — повешусь!.. хо-
чу просить развода...

— Мы, кажется, с вами по одному делу? —
беседуют управляющие, — насчет работни-
ков...

— И не говорите: как пашня, как рабочая
пора — либо прикинется болен, велит прие-
хать за собой из дому, и глядишь — там рабо-
тает, либо просто уйдет, и был таков.

— Да-с! вот извольте тут вести хозяйство...
И заметьте, кто нанимается в работники!.. их
у меня до тридцати человек — все бездомов-

ники! Разумеется, пойдет ли хороший в работники?..

— Послушай! — спрашивает проходящего лакея один проситель, — скоро выйдет мировой?

— Не знаю! в кабинете занимаются... Не шли бы судиться! мирились бы дома...

Наконец, распахнулись двери и явился мировой судья с цепью на груди, за ним писмоводитель.

— Вам что угодно? — спросил судья управляющего.

— Я вам заявил, в ночь под восьмое октяб-

ря крестьянин деревни Бондуrowsки, Елифан Игнатов воровски забрался в господский лес графа Чеботаева и спилил корень четырех с половиною четвертей. Корень этот мною найден совокупно с сельским старостой и при посторонних понятых людях.

— Знаю! преступник здесь?

— Точно так-с...

— А сельский староста?

— Все здесь, кого изволили требовать...

Судья обратился к старосте и понятым:

— Признаете ли вы действительность факта преступления?

— Точно так, ваше высокоблагородие: мужичонка он бедный, на ось понадобилась дубинка...

— А вы, Елифан Игнатов, сознаетесь в преступлении?

— Виноват, ваше благородие...

— И у вас своего лесу нету?

— Ни одной хворостинки.

— Значит, вы целой деревней можете воровать подобные оси?..

— Помилуй бог, ваше благородие...

— Мое внутреннее убеждение говорит, что

вы поголовно со двора на двор можете повторять подобные преступления; а потому, в видах пресечения зла, возлагаю штраф на означенную деревню по три рубля с души, а на преступника десять рублей...

— Ваше благородие! чем же мы виноваты? — возразил староста, — мы в лес не ездили!

— Вы не ездили, но можете ездить... Я вас очень хорошо знаю, любезные...

— Коли попадемся, тогда штрахуй! за что ж невинно-напрасно подати платить?

— Это не подати, а единовременный штраф... Так как у вас во всем круговая порука, то вы должны отвечать за каждого негодяя в своей деревне!.. Я знаю, как в настоящее время помещику трудно охранять свою собственность... Можете идти... Вам что угодно? — обратился судья к лакею.

— Я вам докладывал, недавно я женился... и супругу мою нашел в незаконном виде... Вы нам приказали явиться...

— А жена ваша здесь?

— Здесь! вот она!

— Вы почему не хотите жить с мужем?

— Помилуйте, ваше высокоблагородие... что ни ночь — бьет меня чем ни попадя! Я уж сплю с сенными девушками...

— Правда это? — спросил судья лакея.

— Точно так-с! Невозможно, господин мировой судья... Иной раз такие оказии делает... уму непостижимо!

— Словом, вы друг друга ненавидите?

— Точно так-с...

— И желали бы жить врозь?

— Эвдакого азиата на белом свету нету, — сказала горничная, — сохрани господи, с ним вместе жить...

— Так вы можете разойтись...

— Ваше благородие! а как же мое приданое-то, — спросила горничная...

— Приданое вы можете взять назад... Вы, конечно, отдадите? — обратился судья к мужу.

— Черт с ней-с! ни покуда маяться!

— Так вот слушайте решение: с завтрашнего дня вы расходитесь врозь... Довольны вы решением?

— Покорно вас благодарим...

— Ваше благородие! — объявил Краю-

хин, — я это запил девку... Пили... пили!..

— Ты кто такой?

— Пили мы десятую... пили два Микития...

— Я спрашиваю, ты чей, откуда?

В это время у подъезда загремела карета, и в камеру вошла небольшого роста худощавая барыня с черным вуалем, в бархатном бурнусе. Не поднимая вуаля, она обратилась к судье:

— Я к вам, Федор Иваныч, насчет оскорбления моей Мими...

— Позвольте узнать, кто это Мими?

— Моя собака...

— Извините, сударыня, закон обязывает меня объяснить вам, что в нашем судебном уставе не упоминается об оскорблении животных... Я думал, что Мими ваша служанка. Впрочем, не угодно ли вам рассказать, как было дело?

— Вообразите: я Дуняшке приказала для Мими готовить бульон, а она с лакеем Алешкой изволит кушать его... Я замечаю день, другой: Мими худеет!.. Вы не можете представить, что стало с несчастной собакой... Смотрю однажды в окно: Мими выскочила к воро-

там, а там сидели лакей с горничной. Они схватили собаку и начали ее бить по щекам... да приговаривают: «Из-за тебя нам от барыни достается!..» Это я слышала собственными моими ушами...

— За последнее время жалобы на прислугу до того увеличились, — сказал судья, — что я не предвижу, чем все это кончится... Мне кажется, что ваша прислуга имеет настойчивое стремление оскорблять именно вас... позвольте узнать, когда вы свободны?

— Я постоянно свободна...

— Не угодно ли вам пожаловать в понедельник... тринадцатого числа... Как звать вашу прислугу? — спросил судья.

— Дуняшка и Алешка.

— Я их вызову.

Барыня раскланялась и уехала. Краюхин снова начал:

— Я, ваше благородие, из Воробьевки... на счет запою...

— Ты кого запил?

— Девку!..

— Какую девку?

— У соседа дворов через пять...

— Тоже у крестьянина?

— У крестьянина.

— Дела между крестьянами разбираются волостным сходом...

— Ведь я, ваше благородие, насчет пастуха... он не нашей барщины...

— Это все равно... пастух — крестьянин...

— Вестимо, крестьянин... Хорошо! только эта мы гуляли... больше году!.. девка со всем согласьем...

— Я тебе сказал, обратись в волостное правление...

— Откуда ни навернись пастух... говорит, ежели на что пойдет, я не пожалею красного петуха...

— Павел! выведи вон...

Лакей взял Краюхина за пельки[8].

— Вот оказия-то! — рассуждал Краюхин, выведенный на улицу. — Какой это мировой? слова не даст сказать... Куда ж теперь? Неужели в волость?..

Подошедши к телеге, в которой спал Иван, Краюхин почесал затылок, растолкал сына и крикнул:

— Ты что ж сена-то не дал лошади? для тебя, что ль, под голову взяли, хрепнут!

В это время Краюхин увидел на дороге проезжавшего мужика.

— Эй, брат! — кричал Краюхин, — погоди-ко...

— Что ты там?

— Да погоди... Где бы мне тут разыскать мирового?

— Да ты от его хором идешь... вот он!

— Это не наш, должно... Господь его знает!

— Уж не знаю, как те сказать... у нас есть... да тоже, пожалуй, не ваш...

— Где ж к нему проехать?

— Вот ты под изволок съедешь, придет перекресток, ты так-то не ездил, а заверни направо прямо по овражку, вдоль овражка-то и ступай... приедешь к реке, через мост прямо в нее!..

— Куда ж в нее-то?

— В мировиху!..

— Я насчет мирового тебя спрашиваю...

— Экой! в этой деревне, Антоновкой называется, у меня кум живет. Он с ней почесть зады с задами...

— Кто ж такая мировиха?..

— Да нашего мирового жена... дело как правя ловко! Знамо, можа, чего и недосмысля, ну там писарь на то есть... живой рукой разбьре!..

— А мировой-то где ж?

— Да он, вестимо дело, барин богатый: где ему заниматься? со всякой безделицей лезут... а он, значит, не привычен к этому... и жил-то все в чужих землях...

— Ну, насчет свадьбы она может разобрать?

— Я тебе говорю баба — насчет всех делов! Мы обиды от ней не видали...

— Ну, спасибо...

— Как рассказывал, все поезжай...

VII МИРОВИХА

Краюхин приехал в деревню Антоновку. Крытый железом барский дом, с ярко раскрашенным балясником[9] и двумя каменными воротами, стоял на крутой горе. В стороне тянулся длинный ряд амбаров с жирными соломёнными навесами, на которых висели чугунные доски. За барским домом виднелся сад. Въехав в деревню, Краюхин постучался в окно мужицкой избы и сказал:

— Хозяин! Что, тут живет мировиха?

— Какая мировиха? — спросил мужик, выходя из избы.

— Стало быть, мне так сказали...

— Да! Силич Пятровна? — почесываясь, сказал мужик, — это коли самого барина нет... и то не одна, с писарем...

— Мне было к ней нужно... Можно тут лошадь отпречь? Не украдут?

— Отпрягай! у нас смирно...

— Ты уж, братенек, проводи меня... а то сабаки на отделку съедя...

— Что ж, пожалуй... У ней псы здоровые. Они нас-то признали... Глядеть-то они дюже страшны, а то ведь ничего!.. иную пору хоть на язык наступи... Ты отпрягай, а я зипун надену...

— Ах ты, господи! — говорит Краюхин, отпрягая лошадь, — кабы сын-то у меня был как следует, разве быть бы мне тут? Куда заехал! где сроду не бывал... Ну, пойдем, милый человек, — увидав вышедшего мужика, сказал Краюхин.

— Ты откулева? Насчет чего засудился?

— Я воробьевский... А дело-то у меня насчет свадьбенки.

— Что ж это, знача, родня, что ли, али насчет годов?.. Мы тоже сами вокруг вешней Миколы до алхирея доходили... тоже, стало быть, моему куму приходилась Аксиньяна дочь, — с Петрухой-то они родные были... Агафья крестила Петруху-то...

— У нас родни николи не было... Я насчет запою...

— Знамо дело... усякие дела бывают... Ну, вот теперь иди... прямо, как взойдешь на двор, налево заверни... Ишь, холопьев-то нет

ни одного... Ступай! дай бог час!..

Краюхин вошел в переднюю и положил рукавицы с шапкой у дверей, на полу.

— Надежда Павловна! крестьянин пришел! — доложил лакей пожилой, худощавой барыне.

— А где ж Скворцов?

— Они на охоту ушли...

— Пошли за ним...

Накинув большой барсовый платок на плечи, барыня вышла в зал, где стоял письменный стол с кипами бумаг и два кресла с высокими спинками.

Краюхин вошел в зал, помолился на образ и сказал:

— Здорово живете, сударыня.

— Здравствуй! Ты что?

— К вашей милости. Дело у нас завязалось насчет свадьбенки; я у Кузьмы запил девку за своего малого... дело тянулось долго...

— Петр! притвори двери... — сказала барыня, — да принеси мне папирос... Так в чем дело?

— Это значит, сударыня моя, запили мы с Кузьмой... расход был мой...

— То есть ты запил невесту.

— Так точно.

— Понимаю.

— Только пришло дело к концу, навернись ни оттуда, ни отсюда Егорка... он и наостри своего отца запивать, — а девка ему полюбилась... Вот мы приходим с хлебом с солью, а Егоркин отец там... Мы сели за стол, как следует по положению... выпили маненько... только вдруг приходит Егорка — и ну пировать! А девка выскочила на кон, себе взбесилась... пошел крик да бушеванье...

Егорка говорит: я вам, такие-сякие, красного петуха подпущу...

— Послушай, мой друг, я тебя не понимаю... Ты хочешь сказать, что тебя оскорбили?

— Оскорбление ништо!.. а тут осталось недели две до свадьбы, а дела расстроились, а все вина вот Егорка!

— Да чем же он виноват?

— Знамо дело, съякшался с Паранькой; а мой-то парень недосмыслит... девка-то и заартачилась.

— Ты засватал невесту за своего сына, а

Егор перебивает, так ли?

— Точная правда, сударыня: да еще кочета хочет подпустить... А я истратился — боже мой! цалковых с двадцать с прибавком... и даров немало было!..

— Так ты хочешь вознаграждения?

— Кое награждение! мне девку надо!.. Я ему еще две четверти ржи дал... Не будет ли ваша милость — приказать ему, и расписочку мне пожалуйста, чтобы он не смел перебивать... а чтобы наша свадьба у законе была...

— Видишь, друг мой: все-таки без разбирательства нельзя положить решения... форму исполнить надобно... Мы твою жалобу запишем, разошлем повестки кому следует, назначим день и тогда разберем и решим.

— Матушка сударыня! — воскликнул Краюхин, кланяясь барыне в ноги, — будь милосердна! Заставь вечно бога молить... ведь всего две недели осталось до свадьбы... У нас, значит, праздник престольный: харчи заодно! дело осеннее... убоина есть... а там коли ее играть?

— Нельзя же, мой друг... я бы рада, но ведь закон... — Барыня показала Краюхину книгу.

— Ваше благородие! книжка в ваших руках... что ж? разя она попереча у чем?

— Я тебе говорю... мы все под законом...

Барыня встала и начала ходить по комнате, по-видимому придумывая, нельзя ли как помочь мужику... Краюхин снова упал в ноги и взмолился:

— Сударыня барыня! не взыщи на нас, на дураках...

— Встань, что можно, я и так сделаю...

— Коли такое дело, нельзя ли разобраться хоть завтра... мы бы и управились...

— Нет, завтра нельзя, — сказала барыня, глядя в окно.

В это время лакей, держа руки за спиной, подошел к барыне и тихо произнес:

— Вы о чем изволите беспокоиться?.. ведь у письмоводителя есть подписные листы... бариновой подписи целый стол...

— Знаю! — сказала барыня и обратилась к мужику: — Так ты приезжай завтра часов в десять... только ты можешь ли вызвать всех, кого нужно...

— Они все в одной деревне...

— Ах, вот и Скворцов пришел, — прогово-

рила барыня, увидав входившего письмоводителя. — Так, значит, — снова обратилась она к Краюхину, — ты получишь эти бумаги, они будут написаны на волостное правление, а для скорости отдай сам этим лицам...

— Ты какой волости? — спросил Краюхина

письмоводитель.

— Брендеевской.

— Позвольте! в нашем участке Брендеевской волости нету, — возразил письмоводитель. — Вот я каталог посмотрю: Березовская... Буславская, нет, нету! Это четвертого участка... ты ступай к мировому Вилюхину...

— Э! Братец ты мой, — взмахнув руками, воскликнул Краюхин. — А ведь я велел дома борова зарезать!..

— Какого борова? — спросил письмоводитель...

— Тут у них свадьба затевается, — объяснила барыня...

— Как же теперь быть? — говорил Краюхин... — Кое доедешь, кое что... я и то уж у одного мирового был... в Петровке...

— У Окулова? — спросила барыня. — Это опять третий участок... а ваш пятый...

— Тебе что ж сказал Окулов? — спросил письмоводитель.

— Там сказали, в волостную надо... а я, знамо дело, поопасался: в волостной-то жмут нашего брата... а мировой лучше разбярет...

— Ты с кем судишься? — спросил письмо-

водитель.

— Вестимо, берем у своего брата...

Письмоводитель подошел к барыне и шепотом сказал:

— Ведь мы не имеем права судить...

— Почему же?

— Он приносит жалобу на крестьянина, а крестьяне с крестьянами разбираются волостным судом.

— Так вот видишь, друг мой, — сказала барыня Краюхину, — тебе ни к какому мировому не надо! ты прямо отнесись в волостное правление...

— А может, петух-то мировому подложит, — сказал Краюхин...

Эти слова озадачили барыню, и она обратилась к письмоводителю:

— Справьтесь в уставе насчет поджогов.

Письмоводитель начал листовать устав, бормоча: «Штрафы, взыскания, дела по имуществу, сроки арестов...»

— Нет-с... Нечего и искать... там прямо сказано: если крестьянин приносит жалобу на крестьянина...

— Ну, значит, ступай! — сказала барыня

Краюхину, — очень жаль, мой друг...

— Что ты будешь делать! — повертываясь к дверям, проговорил мужик.

— Ну, что, брат? Как решили? — спрашивал мужик Краюхина; когда он пришел к телеге.

— Что, милый! толков никаких нет! Я думал, барыня-то ловчей разбьере... она, видно, одна статья!

— Бать! — крикнул Иван, сидя в телеге, — я не ел!..

— Эко пасть-то разинул! — сказал отец, — я и сам из тебя не жравши другой день...

— Так что ж теперь? Как твои дела? — спрашивал мужик.

— Что дела! нет ли у тебя хлябнуть чего! а то, брат ты мой, у брюхе щелкая!.. Нам хоть штей влей...

— С чаго ж?.. Я скажу бабам... ноне капустки бог зародил...

— Пожалуйста... Я тебе заплачу.

— Идите в избу...

— Ванюха! подымайся! пойдём, хлябнем...

— Бабы! — кричал в сенях хозяин, — где их

вихор взял? Эко окаянные!

С надворья показалась баба с пенькой в руках.

— Где вас разнесло? — кричал мужик.

— Аль не знаешь? пеньки мяли, — сказала баба.

— Улей проезжим штец...

— А хлеб-то у них свой?

— Какой свой? Разве тут большая дорога?..

Сходи в чулан....

Отец с сыном сели за стол и принялись за щи. Хозяин сидел сбоку на конике и говорил:

— Так тебя, братец ты мой, наша барыня не разобрала? Ведь она усех разбирая! Барин-то забубенный... а она, сердечная, все дела правит за него... Николи не слыхать, чтобы она обиждала... Знамо, писарь подсобляя... где ж бабье дело одной? Оно что ж, и барин до нас ничего... да там у них промеж себя вышло... кто их разбьере! дело не наше...

— Она ничего, — сказал Краюхин, — такая умильная... да закону, значит, нет... Кабы я за судился с приказчиком али что... она разобрала бы... А наше хрестьянское дело в волостную...

— Так! — сказал мужик, — оно, малый, в волостной ноне тоже не доберешься толку.

— Отчего ж я езжу по мировым-то? А что я хочу спросить: тут, поблизости, обаполо нет мировых? Уж за одной заездкой попытал бы, чтоб в другой раз не собираться... А к ночи домой...

— Что ж? — сказал мужик, зевая, — поезжай! вот прямо на бугор... как выедешь, управе будет видна деревня... на нее и держи... потом придут две лозинки... там успросишь...

Краюхин вылез из-за стола, помолился богу и сказал хозяину:

— Благодарим покорно! За хлеб за соль... Что ж положишь за хлёбово?

— Ну, Христос с тобой! авось у нас не большая дорога... приведется, мы побываем у вас...

— Ну, спасибо... Ванька! Поди, из телеги принеси курицу... Жива, что ль, она?.. мы ее здесь оставим... а то вряд до двора довезем.

— Это на что ж вы возите курицу? — спросил хозяин.

— Да хотели подарить писаря мирового.

— То дело!..

Иван принес мешок и объявил:

— Бать! она издохла!

— Это небось ты ее придавил... Ах, дураково поле!.. Ну, малый, — обратился Краюхин к хозяину, подпоясываясь кушаком, — не приведи бог по судам ездить... Я вот к третьему мировому... а дело правое...

— Бать! — сказал Иван, ухмыляясь, — шапка пропала...

— Мотри в телеге-то, — с шапкой пришел аль нет?

— А кто ее знает?..

— Что ж, стало, твой сынок? — спросил хозяин...

— Да! — вздохнув, сказал Краюхин, — господь навязал!

— Что ж, его женить хочешь?

— Его, да девки не подыщешь... уж и запищал-то... что-что не делал... баб дома нет... Ничего не поделаешь... А эта попалась хучь и бедная, да моторная... Ну, прощавай... благодарим покорно...

— На здоровье себе!..

— Так, стало быть, на бугор?

— Вот прямо через речку, мимо кустиков...

Уже смеркалось, когда Краюхин въехал в имение третьего мирового судьи. Старинный барский дом с деревянными колоннами, поросшими мхом, с двумя прудами и винокуренным заводом стоял среди дубового леса, заменявшего сад. Маленький присадник перед балконом украшался мраморными статуями.

— Почтенный, где тут к мировому проехать? — спросил Краюхин кучера, шедшего за возом соломы к барским конюшням.

— Поезжай прямо к хлигелю... там для вашего брата сделана слега... к ней привяжешь лошадь.

— А это какие ж такие статуи стоят? — указывая на присадник, спросил Краюхин.

— Это богá! — сказал кучер.

Краюхин снял шапку.

— Только не наши... — объяснил кучер. — Тебе на что к барину-то?

— Насчет своих делов.

— Барина нет дома. Он уехал во Владимирскую губернию, у него там имение...

— Кто ж разбирает?

— Тут жалобы записывает конторщик...

Ступай запиши, а когда придет, разберет...

— Коли ж разбярет? Нам недосуг!..

— Он так приказал... недельки через две придет...

— Нет, что ж! — сказал Краюхин, — нам не рука... Ванюха, поворачивай! Я вижу, настоящих делов не доберешься... Что будет не будет — поеду в волостную...

VIII ВОЛОСТНОЙ СУД

В воскресный день, часа в два пополудни, в Лебедкинское волостное правление собирались судьи из крестьян. В присутственной комнате с развешанными на стенах печатными и письменными объявлениями носилась клубами пыль; пол был загрязнен до того, что нельзя было разобрать, земляной он или деревянный; воздух был насыщен махоркой, капустой и прочим. Видневшиеся между плотно забитыми двойными рамами кирпичи с солью еще более наводили уныние на свежего человека. В переднем углу висела икона мученика Пантелеймона, присланная с Афонской горы. У окон стоял письменный стол, покрытый клеенкой, с грудями бумаг и массивною волостною печатью. По стенам стояли скамейки для судей. В ожидании старшины и писаря в присутственной комнате два старика рассуждали между собою.

— Наши судьи, Антон Игнатыч, грех сказать плохова! Старый старшина малый смир-

ный... И Андрюшка косолапый, — хоть он маленько и с горлом... орет, что на ум взбредет, но за себя постоит! И мы с тобой!.. Знамо дело, винца выпьем, а ведь за полштоф никого не променяем... А приносят — надо пить, и проситель тоже: сухая ложка рот дере... в праздничное время почему ж не выпить?

— Ванюха тоже мужик хороший, да похмыра, — говорил другой, — слова не доберешься... А Листрат хоть молвит слово старшине! Человек книжный... надо так сказать!..

Пришел старшина в новом дубленом полушубке, за ним писарь, несколько просителей и судей. Старшина положил на стол свою белую крымскую шапку и обратился к просителям.

— Вы что лезете?

— К вашей милости, Захар Петрович: у меня ноне ночью замок сломали...

— А у меня Парашка прибила мово ребенка.

— Постойте, постойте! Засядем, тогда и жалуйся... А воробьевские — все собрались?

— Все, — сказал сторож, — они на крыльце...

Старшина подошел к письменному столу и вдруг всплеснул руками.

— Стой!.. Куда цепь девалась?

— Должно быть, обронили, — сказал писарь, — это судьи, должно, маленько потерялись — свалили, вот она!

— Зачем их безо времени пускать! — заметил старшина, — ведь это вещь царская... Ну, что же? пора начинать!

Судьи разместились на скамейках, писарь сел за стол, старшина стоял среди присутствия, наблюдая за порядком.

— Сват! дай табачку, — вполголоса говорил один старик.

— Что, малый! у Петрухи отсыпал. Намесь махорки купил, стал это, братец ты мой, тереть с золою... натер, понюхал — ничего не берé!..

— Будет вам калякать! — заметил старшина, — не накалякались! Здесь присутственное место...

— Ничего, Петрович, мы промеж себя...

— А то не хуже Егорки-пастуха... Он сдуру слово-то ляпнул на миру, а теперь другая неделя сидит...

— Петрович!.. Кого ж первая-наперво будем судить?

— Разве не видали? — сказал старшина, — вот в прихожей стоят!

— Нет, Петрович, для правды не лучше ли Егорку сперва судить, а эти только пришли...

— Егоркино дело, — возразил старшина, — ты молчи! Его разбирать надо с толком... А наперва разбери платву-то... вишь, она лезет! у сундучка замок сломали...

— По мне что ж? — проговорил один старик, — кого хошь веди!

Писарь сделал пол-оборота к судьям и объявил:

— Вот что, господа судьи: платву-то оно платву... она от нас не уйдет... а по-моему, лучше взяться за пастуха — а то как бы он на себя руки не наложил... кто его знает?.. долго ли до греха?..

— Что ж, Петрович, веди его! Когда-нибудь не миновать — судить надо!

— Сторож! — крикнул старшина, — зови сватов сюда...

В правление вошел Краюхин, невестин отец и мужики, бывшие на запое. Последние,

вздыхая, бормотали:

— Вот оно, винцо-то, что делает! выливается наружу... не знаешь, где попадешь...

— Неверная его нанесла!.. у меня вот конопи не вытасканы...

Сторож привел пастуха. Парень был в изорванном полушубке, в худых сапогах и тяжелых, полосатых, домашнего изделия, штанах. Он сильно похудел; всклокоченные волосы падали на глаза, и всего его охватывала дрожь. Сторож постановил его на середину комнаты. В эту пору все затихло; видно было, как пыль слоями улегалась на всем, что было в правлении.

— Ну, рассказывай, братец ты мой, — начал старшина, — какого петуха ты хотел подпустить? Евсигнеич! прочти-ка жалобу.

Писарь встал и прочитал: «18... года, дня... в лебедкинское волостное правление принесена словесная жалоба крестьянина деревни Воробьевки, Петра Краюхина, в том, что казенный крестьянин деревни Чернолесок, Егор Ивлиев, злонамеренно подуцал родителя своего Ивлия Карпухина запивать дочь крестьянина деревни Воробьевки Кузьмы Ерохина и

во время последнего запития произвел бунт, а также возмутил запитую невесту к сопротивлению против родителей и произносил угрожительные слова».

— Ну, вот слышишь, какая на тебя принесена жалоба? — обратился старшина к пастуху.

— Вот что, Захар Петрович, — начал парень, — на первой я тебе скажу: девки я не перебивал, сама она не хочет за Ваньку итить... Родителя, то есть, своего я заслал сватать, — это у законе. Никто мне не смеет помехи де-

дать. Отдали — отдали! а не отдали — вольному воля! Он тоже с угощением пришел, небойсь из последнего... Середку-то у Мотюхиных небойсь цалковый отдал... А что это, значит, насчет красного петуха-то, это мало что говорится! Кабы ты видел, что там было, так не то скажешь! Аль я с ума спятил — деревню жечь? Авось я тоже хрященный... разве я себе лиходей!

Судьи все молчали. Писарь скрипел пером. Старшина, сидя в креслах, поглаживал бороду. Наконец он заговорил:

— Положим, что ты запивал... Это дело не наше! там валандайся с сватами сколько знаешь... А вот насчет петуха-то, малый, дело наплевать...

— Ведь я, Захар Петрович, сказал тебе: петух дело пустое! Это я у этой страсти сбрежал...

— Сбрехать-то сбрежал, — подхватил старшина, — а ты небойсь слышал пословицу: слово не воробей, а вылетит, не поймает: тебе бы не нужно этих речей и говорить; пришел, попил сабе, покалякал... Вышло дело — так, а не вышло, насилук мил не будешь. А то иде беседа, а ты сейчас красного кочета...

— Что ж, Захар Петрович! — воскликнул Егор, — я спокаялся тебе... вгорячах слово сказал... а насчет чтобы, тоись того... не приведи бог лихому лиходею этакими делами займаться... спроста сказал, ей же богу! девка очень пондравилась...

— Слухай, Егор! — сказал старшина, — коли ты молвил, стало быть, у тебя на уме лихое было!..

— Вот те лопни мои глаза, провались я сквозь землю, чтобы что-нибудь было такое... кабысь одно маненько взяло: нечем взять, наше дело бедное, она и сорвись с языка... А чтобы насчет настоящего... Я нехай век по чужим углам буду биться, а на это дело николи не соглашусь...

— Ну, что ж? — объявил старшина, — допрос снят. Будет с тебя! Сторож! отведи его!..

Пастуха вывели. Краюхин выступил вперед и объявил:

— Захар Петрович! Я у трех мировых... Усе поряшили, что за ентакие дела хвалить не следует... Только им нельзя с Егоркой справиться, потому они судят промеж господ. Будь ваша милость! Засади его в острог! незымь

его подумает, как кочетов подпускать...

— Разбярём, разбярём, это дело наше! — сказал старшина и обратился к свидетелям: — Вы были на запое, когда Егорка бушевал?

— Что ж, Захар Петрович, — проговорили мужики, — мы не отрякаемся... только мы не с тем пришли, чтоб бушевать...

— Ну, как же дело было?

— Это, значит, пришли мы, — заговорил один, — сели за стол как следует, поели студень... Подали хлёбово... Знамо дело, выпили по стаканчику, — девка и закандрычась... хлёбово похлебали, побалакали, откуда ни навёрнись — Егорка. И начал бушевать: мы ально ужаснулись... И пошла промежду нас нескладица... А он и начал тращать: «Мотри! говорит, коли не будет по-моему, вся деревня слетит!»

— Что ж, так было, как Федот показывая? — спросил старшина остальных свидетелей.

— Точно так, Захар Петрович: пастух кричал благим матом, хоть бяги вон из избы...

— Ну, ступайте теперь, — сказал старшина

мужикам, — мы разберем без вас. Посидите в избе...

Мужики вышли. В правлении оставались одни судьи и старшина с писарем.

— Что ж, старички, — начал старшина, — как дело-то порешим?

— Говори! — сказал один судья другому.

— Говори ты!

— Что ж, — подтвердил старшина, — как думаешь, так и говори!

— Вон Федосеич что скажет? Он кабысь по-старше нас...

— Ай я один у миру! — возразил седой старичок, закладывая одну руку за пазуху, другую опуская в карман, — по мне, как мир, так и я...

— Федосеич! — воскликнул один рябой высокий мужик в худом армяке, — ты все-таки мужик пожилой, ну, значит, пчел имеешь... и с тобой всякое бывало на веку... Ты, примерно, как знаешь, так и говори... А то вон, пожалуй, спроси Фильку: он сбреша такую оказию, сам не рад будешь!

— Что ж такое знача? — заговорил приземистый мужик с рожей на щеке, — аль меня

на смех призвали? Мы тут все ровны... Что он судья, что я судья... Разя у него больше моего в голове?

— Стой! стой! тут не место! — прервал старшина, — это вот кончим дело, тогда кричи, сколько влезя!.. Ну, что ж, судьи? как порешим?

— Вот наперва, что скажет Федосеич, послушаем...

Федосеич кашлянул, посмотрел в пол и заговорил:

— У нас спокон веку не слыхано таких делов... У нас, бывало, ребята валяются на полатях аль на сене — и не знают, кого мы запиваем... Принесешь платок от невесты, швырнешь ему... платок красный, ну, знамо, парень и рад... никаких пустяков не было! А это вот нонешние ребята маненько стали из послухания выходить... Займаться чем не следует... вестимо баловство!.. не смысляны... худа-то не видали!.. Егорку, что говорить! хвалить нечего... Да ведь он признался при всем суду, что пошутил... Отрастку дать ему следует, чтобы уперезь не выдумывал чего не надо... Что ж налегать-то на него! Я слышал,

управитель его расчел за эвти дела-то...

— Как же! — подхватил рябой мужик, вставая и размахивая руками, — ён, братец ты мой, приходя к управителю, а тот ему говорит: «Ты что там наделал? какую деревню хотел спалить? Нам таких негодяев держать в имении не приходится... получи расчет и убирайся с богом...»

— Вот что, ребяташки, — объявил богатый мужик с черной окладистой бородой, — слушал я, слушал ваши добрые речи и ничего не говорил... По-моему я так полагаю: Егор парень молодой, доперезж за ним мы ничего плохого не видали... А что дюже он зазарился на девку... и наболтал неведомо что... Глупеще! Кабы он семьей жил... поучить некому... с мальства по чужим углам ходил... господь с ним! довольно с него, что неделю отсидел в чижовке за одно слово! Незымь идет, куда хочет! Ежели мы его будем казнить, он остервянится... Его в волости не продержишь... А вы, господа честные, решайте дело по-божьи.

— На это я тебе скажу вот что, Алистрат Мокеич, — возразил старшина, — ежили он остервянится, ты говоришь, так у нас, братец

ты мой, Сибирь не почата! На каторжную работу друга милого спровадят!.. Забудет пустяками заниматься...

— У Сибирь, — обратившись к старшине, подхватил плотный, с добродушным лицом мужик, подпоясанный веревкой, — у Сибирь тоже миром ссылают! ежели мы не пустим, никто не може его тронуть! Что, Ваньку Ерохина сослали? Небойсь у мира спросили... ан шиш!.. а он остепенился да мужик-то стал за мое почтенство! хоть куда! И семья, значит, за ним пропала... Уробел — еще смирней стал жить...

— Да опять и то сказать, — заметил тощий, с реденькой бородкой мужичок, — ведь он девку-то еще не перебил, от Краюхина она не ушла... Что ж его неволить-то? Он один сын у отца и есть... отец чуть не по миру ходит... Сгидай его голова! Пустим его!..

— Балакали, балакали!.. — начал старшина, облокотившись на стол, — а все дело плохо... Ежели мы тепереча будем всякого прощать, тогда на белом свету житья не будет! А по-моему, братцы, потакать — только баловать!.. Опять что ж нас начальство на смех,

что ль, сюда посадило? У вас, скажет, законы под носом, а вы ничего не видите? Евсигнич! — обратился старшина к писарю, — покажи-ко им статью...

Писарь с пером за ухом поднялся и объявил судьям, прикладывая к своей груди правую руку:

— Ежели мы тому и другому будем прощать, тогда, следовательно, будут большие поджоги и разбои... Как я называюсь писарь, — и не что иное, как наемный, а вы избранные и принявши присягу должны судить по закону, — не щадить ни отца, ни мать!.. Я как постоянно нахожусь при правах (писарь указал на письменный стол) и обязан вам давать знать, то я отвечаю и решаюсь своей головой..! Но потому что с нас, с писарей, мировой посредник[10]спрашивает и приказывает смотреть больше в права, то я не сам из себя говорю... А пастух подвергнут по доказательству уголовному.

Писарь окинул глазами слушателей и опустился в кресло. Старшина, следуя его примеру, тоже встал и обратился к судьям:

— Хотя хучь я и неграмотный, но я имею

у себя писаря... и спрашиваю его: погляди-ко-ся в права... Что там права говорят? Но как писарь вам сейчас предлагает, то вы должны слушать его. А ты, Евсигнеич! говоришь по правам! и напрасно ты эти слова принимаешь те, которые самые дрязги...

— По-моему, дело решено: и ён сознался... и сваты доказали... ведь это уголовщина! надо к судебному отправить...

— Что ж к судебному? — сказал богатый мужик, — засадят его в острог, через год, пожалуй, судить будут, а там, мотри, оправдают, — острожного-то к нам в деревню и пришлют... он там с острожными понашуркается, — он хуже нечистого будет! Тогда и беда с ним... Вон у Шепелевки у старосты Нехведа Андрюшка — сжег скирды, его подержали в остроге, да и пустили... настоящих примет нету. Он теперь и ходя по деревне, всем грозит: «Не то будя!» На всех такого холоду нагнал — поют, — как у праздника... А мой згад — посадим его еще на недельку и крепко-накрепко накажем... а не то отпорем...

— Нет уж, Савостьян Трофимыч, пороть не надо! — воскликнул один судья, — а то он

продрамши-то еще злей будет! А вот что: коли такое дело, ежели он, на примерича, от судебного еще пуще подождет, то и сажать незачем... Пощуняем его и пустим... на слободе он скорей почувствуй!.. мало что бывает!

— А что, Егорыч, твоя речь правая! — заметил подпоясанный веревкой, — он судом-то нашим будет доволен, а уж его, коли он такая голова, у чижовке не выучишь... А то, мотри, и нам встретца нельзя будет...

— Что ж, это куда дело-то пошло? — возразил старшина, — куда ж мы закон-то денем? на что ж он нам дан?

— Что ж закон? — сказал один судья, — мы народ неграмотный... Что господь на душу положит, то и говорим... другое дело, мы закону не ослушаемся... Знамо, по мужичью!..

— А то каждое воскресенье тут сидишь, сидишь, — подхватил другой судья, — у меня вон картохи остались не рыты... всё в отлучке... А причем мы тут? Вишь, решено Егорку пустить, а там говорят не так!..

— И то правда, — заговорило несколько голосов, — зачем же нас избрали? Кажинный раз бьем, бьем, а ничего не выходя...

— Вы что же забушевали? — воскликнул старшина. — Я, может, у земстве не жрамши три дня просидел, и то не супротивлюсь.

— Экой ты! — заговорили судьи, — ты вон мядадь имеешь, у посредственника у почете, по миру разъезжаешь — всягды сыт, доволен... опять жалованье получаешь...

— А подводы-то? — крикнул высокий мужик, — он ноне с обчества слизал полтора ста цалковых; нанял работника: он и разъезжая и кстати паша...

— Стой! — закричал старшина: — нешто вас призвали о подводах рассуждать?

— Ну, что ж ты нас держишь? — заговорили судьи, — дело порешили!

— Как порешили?

— Егорку простить... али неделю посидит, да и ладно...

— Вот что, судьи! — сказал старшина, — со всем пустить не годится... Я вам говорю, — какое-нибудь да наказание ему подобает... надо еще у Краюхина спросить, не будет ли он искать, если мы Егорку своим судом решим.

— Ну, зови Краюхина! — сказали судьи. Вошел Краюхин.

— Слухай, Петрей. — объявил старшина, — судьи поряшили Егорку выпустить... а я настоял, чтобы ему какое-нибудь наказание определить... Как ты хочешь? Отпороть его?..

— Нет, Захар Петрович, пороть не надо! уж лучше приприте его! а то он не даст свадьбу сыграть!

— Ты не будешь искать, если мы своим судом решим?

— Я боюсь, — сказал Краюхин, — как бы он после-то не выворотил...

— Судьи говорят, — продолжал старшина, — что ежели его к судебному отправить, хорошо, как его допекут!.. А если отпустят, тогда и держись...

— Это точно, Захар Петрович... он обозлится хуже. Мне бы только дал он в покое свадьбу сыграть... до праздника осталась одна неделя...

— Ну, на неделю его и посадить в чижовку! — заговорили судьи...

— Что ж, так, так так! — подхватил Краюхин, — сажай его, Петрович, и ладно...

— Что ж ты, разве поладил с нареченным-то? — спросил старшина.

— Нет, Захар Петрович, — объявил Краюхин, — в суде толку мало! мы сошлись с ним опять... Стало быть, не хотим этого делать... Он вон там на крыльце... Господь нас надумил обоих! видно, что ни дальше в лес, то больше дров...

— Это доброе дело! — сказал старшина, — а то поди возжайся... Еще судьи как бы осудили, не то по-твоему, не то по-свату. А ноне как судьи осудили, то на них жалоба не принимается. Сторож! веди сюда Егорку. А ты, Петрей, — обратился старшина к Краюхину, — выдь отсюда!

Сторож ввел пастуха.

— Ну, вот что, братец ты мой, — сказал старшина, стоя пред подсудимым, — по закону тебя надуть бы отправить к судебному, это, силич, в острог... а там невесть что будя!.. а вот судьи сжалились над тобой... жалуют тебя посадить в чижовку на неделю... так я тебе объявляю ряшение...

— Я и то, Захар Петрович, восьмой день сижу, — сказал Егор, — за что сажать-то? мало что сказано... ведь я так...

— Нет, Егор: ты не супротивься, — сказал

богатый мужик, — это мы тебя помиловали...

— Значит, ты осужден на неделю в чижовку! — подхватил старшина, — сторож! веди его!

— Ну-ко пойдем, брат, к праздничку, — сказал сторож, подхватывая Егора под руку.

— Нельзя ли, братцы, ослобонить, — взмолился пастух, — что ж? ведь ничего не будет! Мне отсидеть не важная штука!

— Коли решено, ты не ослухайся! — сказал старшина.

— Ну да, ничего! Веди! — встряхнув голову, произнес пастух и вышел.

Все судьи встали.

— Пятрович! — заговорили некоторые, — платву до другого воскресенья отложим... вишь, ночь на дворе. Пора расходиться... лошадам не месили...

— Что ж, пожалуй, — сказал старшина и обратился к писарю, — Евсигнейч! надо бы выпить.

— Вина вволю! — сказал писарь, — Краюхин привез полведра, да Еремин тоже за это дело, помнишь? привез полштоф.

— Экие подлецы! — сказал старшина, —

разве оно полштофом пахнет? А ты, Евсигнейч, мотри насчет бумаг, как бы какая не пропала.

— Кому они нужны? Народ бестолочь!

Судьи призвали в правление Краюхина и потребовали с него магарыч. Сторож принес полведерный бочонок. Все выпили, поздравив Краюхина с окончанием дела.

— Что, ребяташки! — заговорил последний, закусывая кренделем, — завязался я э-тим делом, а уж горе меня уело, — не роди мать на свете!

— Что ж? ведь по-твоему решено, — говорили судьи.

— Решено-то решено, да Егорка-то разбойник! — возразил Краюхин, — через неделю-то он вольный казак! Ты и гляди: он, пожалуй, на похмелье-то, после свадьбы, как снег на голову!.. Да и девка-то ухо!.. — Краюхин затряс головой.

Все выпили еще по стаканчику и начали расходиться...

IX ДВА СВАТА

В сумерках Краюхин с сватом Кузьмою, бывшим на суде в качестве свидетеля, возвращались в деревню Воробьевку. Кое-где в домах светились огоньки, на улице слышались голоса судей... На дороге хрюскала грязь и скрипели телеги воробьевских мужиков, ехавших за Краюхиным и Кузьмою. Сваты елещились и, сидя в одной телеге, беседовали между собой:

— Вот что, сват! — говорил Кузьма, — девка, я тебе скажу, на все взяла!.. Что молотить, что рукодельем, — а умна-то: выродок выродился! я на нее не нарадуюсь...

— Затем-то, сват, мы и гонимся, потому сами видим...

— У нас с тобой, чтоб было хорошо, — продолжал Кузьма, — я уж у ней допросился... Ты на нее не смотри... Как пастуха засадили в чижовку-то, да как узнала она, что его отставили от должности, — вдруг присмирела. Да и я-то молвил: что ж я теперь, дочка, куда от тебя

пойду? побираться али в работники? При старости я и пойду за тебя страдать? Нам свату отплатиться нечем!

— Ну что же она на это?

— Она это говорит: «Потому что я не знала этих делов... вы мне тогда не сказали, как наперва запивали... По мне дом жениха будь хоть золотой! Кабы я плохая девка была?... а ты за слюнтяя пропил!» А опосле видит, некуда податься!..

— То-то, сват! мотри, чтоб не было посмешья никакого! ведь ты слышал, сколько я мировых объездил? а все через тебя да через твою дочь!.. Кабы девка не зартачилась, я бы ни одного мирового не видал и не слыхал...

— Я сам, сватушка, хлеба решился! — воскликнул Кузьма... — все уговаривал... ведь и так сказать: дочь хучь и моя, а ум у ней свой... разве скоро ее супретишь!..

— Вестимо, дитё! — заметил Краюхин, — а не знает того: она у меня словно барыня будет ходить: такую шубу ей сошью! У меня теперь овчины выделаны — всё старика!.. Как же, сват, надо об деле поговорить: завтра, стало быть, мы поедем к попу... а на праздник, гос-

подь даст, свадьбу сыграем! от тебя много ль будет родни?

— У меня свояк, еще двоюродный брат да кум Павел... хозяйки ихние... ну, и будет с меня!..

— Ты вели им приготовляться, лошадей подкармливать... Будочки коли нет, я дам... колокольчика два надо, довольно будет... ну, погромочка три, четыре... вели попроворней... чтобы не прохлаждались... Я из неволи тебя выведу! возьми у меня свежинки... я двух боровов убью... возьми солоду... когда взялся справлять тебя, буду справлять!..

— На эвтом благодарим, Петр Анисимыч...

— Готовься! — подтвердил Краюхин, — ты ни на что не смотри! Справим свадьбу за первый сорт... А пастух не замай посидит... Ты дома скажи: его на год засадили... Мы с тобой порешили, нам это дороже всего...

Приехав в Воробьевку, Кузьма попросил Краюхина к себе в дом. Краюхин, отговариваясь, что его ждут домашние, согласился зайти на минуту. В избе тускло горела лучина. Мать невесты лежала на печи. Параша сидела у

светца за шитьем. Краюхин помолился и произнес:

— Еще здравствуй, сватья!

— Здравствуй, сват, — с трудом проговорила хозяйка. — Не взыщи! Я вот третий день хвораю...

— Ишь когда вздумала хворать! А ты вари брагу... мы с сватом, слава богу! порешили... Пастуха засадили в чижовку!..

— Засадили? — спросила хозяйка...

— Нёшто моих сил не хватит, — сказал Краюхин... — Хотели было в острог, ну я уговорил год продержат в чижовке... Все у нас с вами было ладно, по согласью сходились... а потом вдруг приходит эта самая нищета — наше все дело разбила!.. так теперь его в сибирку!.. А на свата Кузьму я просьбу окоротил!.. Мы с ним сошлись... Ну, мне пора домой... Прощайте!..

— Счастливо, сватенек, — сказала хозяйка, — не взыщи, попотчевать тебя нечем.

Кузьма проводил Краюхина и, вернувшись в избу, обратился к жене:

— Как же теперь быть? небойсь надо какое-нибудь разрешение сделать!.. Спроси у

девки-то: идет, что ль, она или нет? Сейчас сват мне говорил: ежели твое дитё за моего не пойдет, я и тебя засажу... почему что я тебя коштовал... напитков разных привозил... Иде ж, говорит, твоя дочь допреже была? а теперь она встрянулась, — насчет делов — что за дурака отдают!..

Кузьма стоял среди избы, мрачно посматривая то на печку, то на дочь, неподвижно сидевшую у светца.

— Ну, что ж, Паранька, как ты думаешь? — грозно спросил Кузьма.

Девушка молчала; на шитье катились слезы.

— Паранюшка! — простонала мать с печи, — иди, милая, за Ивана... ты вишь... пастуха посадили в чижовку — на целый год!..

— Паранька! — сказал отец, — одумайся! за пастухом тебе не быть... Я тебе сказываю: я его близко ко двору не подпущу!..

— Что ж, батюшка, — тихо произнесла девушка, — отдавай!.. из твоей воли не выступаю...

— Ну, вот! — подхватила мать, — с согласьем?

— С согласьем... когда вы задумали над моей головой... Не замай сват приедет...

— Давно бы так-то, — сказал отец и сел за стол, — а в церкви не запируешь?..

— И в церкви скажу, — подтвердила девушка, — иду за него...

— Вот умница! — воскликнула мать: — и странные люди скажут: «Стало быть, очень умна, что идет за такого человека!.. вот так дитё!.. где найти такое дитё? другие девки брыкают... а эта родителей слухая...»

Х СВИДАНИЕ С ЗАКЛЮЧЕННЫМ

На другой день рано утром Параша с узелком в руках вышла из дома и, посмотрев на деревню, которая спала глубоким сном, направилась через одонья к лесу, стоявшему верстах в двух от Воробьевки; вправо от него, как на ладонке, видно было село Лебедкино с каменной церковью, Слегка морозило. На востоке разливался оранжевый свет — предвестник осеннего солнца. По тропинке, пролежавшей на дне лесного оврага, Параша вышла к реке, на берегу которой стояло волостное правление. Вправо и влево шли дороги в село, располагавшееся на двух косогорах. На крыльце волостного правления отставной солдат с небритой седой бородой, держа в руке бабий кот, искал моток дратвы, ругая вчерашнее заседание.

— Ишь окаянные! лаптищами-то шлындали да на ногах и унесли дратву...

— Что, здесь Егор парень сидит? — спросила Параша, стоя у крыльца.

— Какой? — с недоумением глядя на девушку, возразил сторож.

— Молодой парень...

— Тебе на что?

— Да мне хотелось с ним повидаться.

— А тебе он кто?

— Он мне сродоч... двоюродный брат он нам...

— Ну, взойди, — сказал солдат и повел девушку в избу, разделявшуюся от правления сенями.

— Мне только повидаться, — говорила Параша, когда солдат отворял дверь.

Изба была широкая, с длинными лавками, с русской печью, близ которой при самом входе устроены были две чижовки с маленькими дверцами.

Солдат снял с пробоя цепь — и в избу вошел пастух.

— Ах, друг ты мой милый! — воскликнул Егор, увидав Парашу... — Как это господь занес тебя сюда?..

— Да вишь, пришла тебя проведать, — сказала Параша, — все ли ты себе здоров?

— Я-то здоров, да вишь, не благополучно... Этими делами-то замешался сюда...

— Она что ж тебе доводится? — спросил солдат, стоя у двери.

— В третьем колене... — проговорил пас-

тух, севши на лавку.

— Она на тебя не похожа, — заметил солдат.

— Она мне, брат, вот что! — вдруг объявил пастух, — нечего тут хлопотать... мы с ней жили у любе... а потом я через нее в это место попал... Мне ее хотелось взять!

— А я думал, она тебе сестра, — сказал солдат, ковыряя шилом башмак, — так, стало, ты за то-то страдаешь?

— За самое за это! за одно слово только...

— Ну, что ж? — разговорился солдат, — ничего! ты посидишь здесь, опять выйдешь... на поселенье не можно сослать за эту штуку... Авось эта история — не душу загубил... Не этикие дела делают! Ну, разговаривайте себе! а я пойду от вас... Что хотите говорите, я вас запру замочком...

Солдат вышел.

— Ах, Параня, Параня! как это ты вздумала меня проведать? — говорил пастух. — А я не только что... сижу здесь хлеба не евши, все об тебе думаю...

— А я как услышала, что ты сюда попал, захотелось мне тебя проведать, невозможно

мне никак терпеть... Как я к тебе шла-то, так я в слезах не видала следа... И не чаяла я с тобой повидаться... все сердце мое изныло об тебе... Одолела меня грусть...

Девушка утерла занавеской[11] глаза и продолжала:

— Обманули меня... запятнали мою душу навечно! Что бог мне скажет, а на уме у меня дюже чижало... Не стану я с ним жить, что бог ни даст!.. Я пришла успросить: надолго тебя тут посадили?

— Нет, на неделю.

— А я слышала, на год... Я за тем-то к тебе и рвалась... Какой ты худой стал! — заметила девушка, подняв на парня глаза.

— Эхма! как мне худому не быть! сама знаешь... сердце начало сохнуть кое по тебе... кто ее знает? бывает, какое распоряжение выйдет... хотели к следователю весть...

— А я принесла тебе рубашку, — сказала девушка и начала развязывать узелок.

— Нет, видно эту мне рубашку не носить...

— Нет, носи на здоровье, — перебила девушка, — ты у меня рубах не переносишь... А Ваньке хороших рубах не носить... они все на

тебе будут...

— Что ж! ты разве выходишь за него?

— Послушай! — девушка взяла парня за руку, — я этих делов не пугаюсь! пусть отдают! ты сам рассуди: куда ж мне от него деваться? Никак я не могу против отца, матери попясться... Никто моей жисти не знает! будут они меня все бить... Уж я колько думала об этом... Убечь от них али тебе стать опять перебивать? как бы хуже не было... Отец сказал, что и на глаза тебя не примет... Уж, видно, будем с тобой жить так... А он для меня все равно пень горелый в поле...

— А я думал, — проговорил парень, — как-нибудь обработаю своей силой... Как-нибудь свою голову заложу, да тебя возьму... Кабы ты знала, как моя душа прилегла к тебе! Я бог знает что могу сделать над собой...

— Не послухать отца, матери мне нельзя, — вымолвила девушка.

В это время у двери загремел замок, и в избу вошел сторож.

— Ступай, девица, — сказал он, — писарь идет... Бывает, я за тебя буду отвечать... А с тебя, Егор, магарыч! — обратился солдат к пас-

туху.

— Приставлю!

— Ну! где тебе приставить...

— Вот история какая! авось не сто рублей.

— Ведь это какая машина: она назвалась тебе сестрой, а то бы ее не пустил...

Сторож и девушка вышли. Пастух в задумчивости ходил по избе.

Накануне свадьбы, вечером изба свата Кузьмы была наполнена народом. У переборки близ печи сидела в красном сарафане, с лентой в косе, Параша, окруженная подругами. Стол накрыт был скатертью, на образах висели полотенца. Изба, как и в обыкновенное время, освещалась лучиною. С улицы в маленькие окна смотрел народ. Девицы пели:

*При вечеру-вечеру,
При Прасковьиным девишнику,
Прилетал млад ясен сокол.
Он садился на окошечко, —
На хрустальное стекольшко...*

Так дело и кончилось «веселым пир ком да свадебкой»...

Но собственно-то дело кончилось иначе. Случайно пришлось мне после прочесть в известиях одной губернской газеты настоящий конец того, что казалось только концом: «21 ноября 18... года в управлении Н...ской части дано знать о скоропостижной смерти крестьянина деревни Воробьевки Ивана Краюхина. При осмотре тела умершего оказались многочисленные ссадины и синие пятна, а на голове, на три пальца ниже соединения теменных костей, рана длиною в дюйм. Подозрение, в совершении означенного преступления пало на жену Краюхина, Прасковью Губареву, а также на крестьянина деревни Чернолесок Егора Ефимова...» Обвинение заканчивалось словами: «Поименованных лиц на основании 201 и 208 ст. уст. уг. суд. предположено предать суду Н...ского окружного суда, с участием присяжных заседателей». Что-то будет говорить прокурор; чем порешат дело присяжные?

1871

Примечания

Бёрда — принадлежность ткацкого станка, род гребня, сквозь зубья которого пропускаются нити.

[^^^]

Хлуд — жердь.

[^^^]

3

Коник — скамейка, лавка с ларем под ней.

[^^^]

4

Алырник — плут, мошенник, обманщик.

[^^^]

Осел — аркан, петля.

[^^^]

6

Пехтерь — корзина, кошель.

[^^^]

Тяж — ремень или веревка, протянутая от оглобли к чеке переднего колеса для выравнивания хода телеги.

[^^^]

8

За пельки — за шиворот, за грудки.

[^^^]

Балясник — здесь: перила, ограда.

[^^^]

Мировой посредник — после крестьянской реформы 1861 года чиновник, назначавшийся на эту должность губернатором; решал спорные вопросы взаимоотношений крестьян и помещиков; имел право подвергать крестьян штрафу, аресту, наказанию розгами.

[^^^]

Занавеска — здесь: передник.

[^^^]

60 коп.

0.05

Гослитиздат - 1957